

Бранко Лазич
Исторически очерк

НИКИТА ХРУЩЕВ
ДОКЛАД
НА XX СЪЕЗДЕ КПСС

**Исторический очерк
ДОКЛАД НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ
XX СЪЕЗДА КПСС**

Branko Lazitch
A HISTORICAL SKETCH

«**Nikita Khrushchev, Secret Speech at the
Twentieth Party Congress**»

Translated from French by A. Iussen

Nikita Khrushchev
**SECRET SPEECH AT THE
TWENTIETH PARTY
CONGRESS**

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1986

Бранко Лазич
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**«Никита Хрущев, Доклад на закрытом
заседании XX Съезда КПСС»**

Перевел с французского А. Юссен

Никита Хрущев
ДОКЛАД НА ЗАКРЫТОМ
ЗАСЕДАНИИ XX СЪЕЗДА
КПСС

«О культе личности и его последствиях»

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1986

Branko Lazitch: ISTORICHESKII OCHERK «Nikita Khrushchev,
DOKLAD NA ZAKRYTOM ZASEDANII XX S'EZDA KPSS».
Translated from French by A. Iussen.

Nikita Khrushchev: DOKLAD NA ZAKRYTOM ZASEDANII
XX S'EZDA KPSS («O kulte lichnosti i ego posledstviakh»).

First Russian edition published in 1986
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

First published in French
under the title «Le Rapport Khrouchtchev et son histoire».
Texte présenté et annoté par Branko Lazitch (Éditions du Seuil, 1976).

«Istoricheskii ocherk...» Copyright © Éditions du Seuil, 1976
Russian edition © Overseas Publications Interchange Ltd, 1986

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0-903868 93 8

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany

Девятнадцатый съезд коммунистической партии СССР проходил в Москве в 1952 году (5–14 октября), в присутствии Сталина. Предыдущий съезд, восемнадцатый, состоялся более тринадцати лет тому назад, вопреки существовавшему тогда партийному уставу, по которому общепартийный съезд должен собираться по крайней мере раз в три года. Не только война объясняла это длительное запоздание, столь характерное для того презрения, с которым Сталин относился к понятию законности внутри самой партии. На девятнадцатом съезде было решено, что впредь общий съезд партии должен собираться каждые четыре года. Докладчиком, представившим ряд проектов, реформирующих партийный устав, был Никита Хрущев.

Пять месяцев спустя Сталин умер, и в сентябре 1953 года Хрущев был избран первым секретарем центрального комитета партии СССР. Упорно решив резко изменить сталинскую политику в различных областях, Хрущев не пренебрегал партийными съездами: если последний „сталинский” съезд побил все рекорды запоздания, то первый послесталинский собрался на шесть месяцев раньше предельной даты, предвиденной уставом. Съезд должен был начать свою работу 14 февраля 1956 года.

ОБРАЗОВАНИЕ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЛИНА

Как только это решение было принято, все стало развиваться по заранее разработанному сценарию: были созданы различные комиссии для согласования предварительных вопросов, с тем, чтобы впо-

следствии перейти к окончательной редакции докладов, которые будут представлены участникам съезда. Как раз в этот период подготовки к съезду возникает первая неожиданность (за ней последуют многочисленные другие, которые будут сопровождать разоблачение „культы личности“): Хрущев предлагает создать комиссию, которая по сути дела не связана ни с одним положением из уже объявленной программы будущего съезда.

В то время никакие сведения, связанные с этим проектом, не прочитались ни в западную, ни в советскую печать; об этом проекте ничего не было известно даже внутри партии. Лишь одиннадцать членов политбюро были в курсе. И только через пятнадцать лет, когда на Западе были опубликованы *Воспоминания* Хрущева, стали известны те первые попытки, которые в дальнейшем привели к знаменитому докладу на закрытом заседании двадцатого съезда КПСС. Разумеется, достоверность этих *Воспоминаний* не всегда полностью очевидна, но можно утверждать, что около восьмидесяти процентов первого тома и сто процентов второго — безусловно, подлинные воспоминания. Те данные, которые приводятся в *Воспоминаниях* о создании этой комиссии, вполне заслуживают доверия.

Создание и существование этой комиссии можно разделить на три последующих этапа.

Первый этап: сразу же после создания комиссии внутри политбюро происходит своего рода раскол. С одной стороны, — Хрущев, представляющий двигательную силу по разоблачению „культы личности“; а с другой стороны, — старейшие члены политбюро, и следовательно, более, чем Хрущев, связанные со Сталиным, составляют тормозную силу — Ворошилов (член политбюро с 1926 года), Молотов (с 1926 года) и Каганович (с 1930 года). Все прочие, находившиеся между двумя этими силами, были осторожны и нерешительны, более озабоченные не защитой Сталина, но стремлением приладиться к его преемнику Никите Хрущеву, который так описывает в своих *Воспоминаниях* эту первую подготовку: „Я представил этот вопрос на заседании политбюро и предложил создать комиссию по расследованию деятельности Сталина, а также всей его эпохи. Я в особенности хотел это сделать в предвидении приближавшегося двадцатого съезда. Для меня не было никакой неожиданности в том, что Ворошилов, Молотов и Каганович не проявили никакого энтузиазма по поводу моего предложения. Помню, что Микоян меня не поддержал, но и не предпринял ничего, что бы могло заблокировать мое предложение” (1). Предложение Хрущева было принято благодаря тем членам политбюро, которые вошли в него сравнительно недавно: Бул-

ганин (в 1948 году), Сабуров и Первухин (в 1952 году), Кириченко и Сулов (лишь в июле 1955 года, уже в царствование Хрущева и благодаря ему).

Второй этап: работа созданной комиссии. Хрущев пишет в *Воспоминаниях*: „Различные доказательства, представленные этой комиссией, были полной неожиданностью для многих из нас. Я говорю о самом себе, Булганине, Первухине и Сабурове и некоторых других. Я думаю, что Молотов и Ворошилов были лучше информированы о подлинных размерах и причинах сталинских репрессий...” (2). Снова некоторое указание на разногласия внутри политбюро, с той лишь разницей, что Хрущев присваивает себе довольно голубую роль, включая самого себя в ряды недавно избранных членов политбюро, тогда как на самом деле он стал членом этого высшего партийного органа задолго до войны: первый секретарь столичного райкома партии и столичной области с 1935 года, кандидат в члены политбюро с 1938 года, член политбюро в 1939 году, Хрущев занимал высшие государственные и партийные посты как раз в период великих сталинских чисток и находился в самом геополитическом центре этих чисток.

И лишь на третьем этапе деятельности комиссии на самом съезде появляются первые серьезные последствия того решения, которое станет событием мирового и исторического значения.

Клемансо говорил, что в условиях парламентской демократии создание комиссии служит лишь для погребения обсуждаемого вопроса. Мы видим, что в коммунистической партии СССР происходит скорее обратное. Такая комиссия занимается эксгумацией какого-либо вопроса, но обычно лишь для замкнутого круга партийной элиты. Почти для всех членов политбюро „дело Сталина”, на первоначальном этапе, сводится к обмену мнений, при закрытых дверях, между ними самим, с одной стороны, и этой комиссией, включавшей четыре или пять человек. Эксгумация же трупа Сталина, отнюдь, не обязывала их к публичному обсуждению всех этих вопросов, и уж менее всего перед 1 436 делегатами двадцатого съезда партии.

Благодаря Хрущеву, события приняли иной ход. Он рассказывает: „Хотя съезд проходил безо всяких потрясений и мое выступление было принято с воодушевлением, я не был удовлетворен. Я без конца думал о различных фактах, представленных комиссией Поспелова. В конце концов, я решился и во время перерыва одного заседания, очутившись в одной комнате вместе с членами политбюро, я задал им вопрос: „Товарищи, что мы будем делать с отчетными данными товарища Поспелова?” ” (3).

Сразу же разгорелся яростный спор, и его бурный характер в точности соответствовал той опасности, которой Хрущев подвергал своих коллег, стремясь сделать расследование о деятельности Сталина публичным достоянием. В этом яростном споре политические аргументы, выставляемые группой „стариков”, были более логичны, чем аргументы первого секретаря, оказавшегося, однако, более ловким в политическом шантаже. Ворошилов, Каганович и Молотов выставляют три основных возражения. С их точки зрения, эти возражения исходили из здравого смысла и нисколько не рядились в идеологические одеяния:

1. „Что придется нам говорить о нашей собственной роли во время Сталина?” (Иначе говоря, они опасались, что возникнет вопрос о их личном участии в сталинском терроре.)

2. „Представляете ли, что за этим последует?” (По их мнению, политические последствия трудно было предвидеть, и уж во всяком случае, эти последствия были бы отрицательными.)

3. „Что вас заставляет действовать таким образом?” (В самом деле, советскому руководству не было никакой нужды направляться по этому пути.)

Чтобы заставить уступить тех, кого впоследствии будут называть „антипартийной группой”, Хрущев напоминает им о принципах демократического централизма: он настаивает, что на съезде партии нужно обсудить дело Сталина. Он говорил также о моральном значении первых, недавно освободившихся эзков, вернувшихся из сталинских лагерей. Но, вне всякого сомнения, наиболее убедительным аргументом было следующее предупреждение, обращенное к противникам: „Я напоминаю вам, что каждый член политбюро имеет право обратиться к съезду и выразить свою собственную точку зрения, даже если она не соответствует генеральной линии, намеченной в основном докладе, представленном на съезде” (4).

Булганин, Первухин, Сабуров и, по всей вероятности, Маленков поддерживают это решение — представить съезду обширный доклад о сталинской деятельности. Составление этого доклада было поручено Петру Поспелову, старому соратнику Сталина. В тридцатых годах он был членом личного сталинского секретариата и затем ответственным Агитпропа партии (1937—39), как раз во времена великих чисток. В 1949—52 гг., в разгар культа личности Поспелов — директор института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Более того: он был одним из авторов „Краткой биографии Сталина”, которую ему теперь необходимо было разоблачить в докладе самого Хрущева на закрытом заседании (текст этого доклада был составлен По-

спеловым), как типичный пример „культы личности“! Хрущев даже хотел, чтобы Пospelов, как председатель комиссии и составитель Доклада, выступил бы на съезде с речью против Сталина. Но члены политбюро убедили Хрущева, что именно ему надлежит выступить с главной речью и быть, таким образом, рупором партии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСЛУГА ХРУЩЕВА

В социальной системе, идеология которой основывается на экономическом детерминизме, кажется довольно странным признавать за отдельной личностью какую-нибудь существенную роль. И тем не менее, именно Ленин – и никто другой – заставил большевистскую партию захватить власть 7 ноября 1917 года; именно Сталин – и никто другой – посылал на смерть миллионы ни в чем не повинных крестьян, миллионы коммунистов, которые помогали ему уничтожать оппозицию Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и т. д., коммунистов, жаждавших лишь одного – служить своему вождю. И не кто другой, как Хрущев, дал жизнь докладу на закрытом заседании относительно „культы личности и его последствиях“. Если бы на месте Хрущева находился Молотов (бывший уже секретарем центрального комитета в 1921 году), или Маленков (ставший им сразу после смерти Сталина), или Брежнев (который станет первым секретарем после падения Хрущева), кто бы осмелился утверждать, что доклад на закрытом заседании двадцатого съезда вообще бы имел место?!

Разумеется, как глава компартии СССР, Никита Хрущев мало чем отличался от своих предшественников или наследников, в самых разнообразных областях. Во времена его правления социальное и правовое положение крестьян и рабочих осталось таким же, каким оно было и раньше; тысячи церквей были закрыты, как во времена Ленина; по его указанию войска стреляли в демонстрантов в Тбилиси, в Новочеркасске, в Воркуте – подобные приказы первым стал отдавать Ленин, до и после кронштадтских событий 1921 г.; такие же приказы отдавали все советские руководители. Он вновь открыл некоторые концентрационные лагеря, подобно тому, как это начал делать Ленин, как и Сталин, который бесконечно расширил эту концентрационную систему, как и Брежнев, который активно поддерживал существование этой государственной институции. По приказу Хрущева советская армия оккупировала Венгрию, премьер-министр которой был коммунистом, совершенно так же, как Ленин

приказал оккупировать Грузию, находившуюся тогда в руках социалистов (640 231 голос — за создание Учредительного Собрания и лишь 24 513 голосов — за большевиков), как и в свое время Брежнев отдал приказ о военном наступлении на Чехословакию, страну, руководимую исключительно коммунистами. Хрущев приказал построить берлинскую стену, — Сталин в свое время организовал блокаду Берлина. Хрущев пытался — безуспешно, впрочем, — разместить ракетные базы на Кубе, подобно тому, как Брежнев — но уже с успехом — создал стратегические базы на Ближнем Востоке, в Африке, в Индийском океане.

Но Хрущев сделал и такое, что ни один из его предшественников или наследников до сих пор никогда не совершал. В 1955 году он, коммунистический „патриарх”, отправился в Каноссу, к „еретику” Тито и тем самым нанес сокрушительный удар по догме „московской непогрешимости”. В 1956 году он сделал возможной десталинизацию, представив доклад на закрытом заседании — факт совершенно беспрецедентный не только в деятельности первого секретаря компартии СССР, но и для всего международного коммунистического движения в целом.

Разоблачение „культа личности” было предпринято лишь один раз, с большой осторожностью и лишь через семь лет после хрущевского доклада: в 1963 году Антонин Новотный, первый секретарь компартии Чехословакии и президент республики, представил центральному комитету партии доклад о „нарушении партийных принципов и социалистической законности в период 'культа личности' ”. Этот доклад, включавший около ста страниц, обсуждался, при закрытых дверях, 3 и 4 апреля 1963 года и никогда не был опубликован. Резюме этого доклада (около сорока страниц) имело хождение внутри партийного аппарата и было доступно лишь высшим партийным чиновникам. Это резюме также никогда не было опубликовано. Через три года чешский журнал „Сведести” (№ 28, 1966 г.), издающийся в Париже, напечатал этот текст, обширные отрывки из которого были опубликованы в „Монде” (28—30 мая 1966 г.). Полностью же это резюме было напечатано в июле—августе 1967 г. во французском журнале „Контра Сосьаль”.

В 1960 году Хрущев не поколебался вступить в конфликт с другой великой державой коммунистического мира — Китаем, чего опасался даже Сталин. В 1962 году, как мы узнаем из книги Солженицына „Бодался теленок с дубом”, Хрущев убедил членов политбюро, колебавшихся в этом вопросе, допустить публикацию

„Одного дня Ивана Денисовича”, — что позволило всему миру познакомиться с литературным гигантом.

А в конце жизни Хрущев решился на то, на что ни один советский руководитель, ни один первый секретарь компартий стран восточного блока никогда не решался, — он продиктовал воспоминания, прекрасно зная, что они появятся не в СССР, а в „капиталистическом мире”.

Будущее покажет, сыграл ли Хрущев „объективно” отрицательную роль в коммунистическом движении. Для самого Хрущева его борьба со Сталиным исходила не из теоретических или исторических причин: она была исключительно политической. Он отнюдь не искал всей правды, восстановления справедливости, как впоследствии он хотел заставить людей поверить в это, — он искал прежде всего усиления своей позиции в качестве партийного вождя. Он предуготовил падение Берии в 1953 году, он был не чужд в истории отставки Маленкова в 1955 году с поста главы правительства, он готовился расправиться со всей сталинской гвардией. И по мере того, как этот проект становился все более и более отчетливым, старая сталинская гвардия, в интересах собственной защиты, решила устранить Хрущева. Этим и объясняется столкновение в июне 1957 года между Хрущевым и большей частью политбюро. Но в тот текущий момент — февраль 1956 года — когда Хрущев настаивает на необходимости разоблачения „культа личности”, остальные члены предпочитают избегать открытого столкновения. Хрущев мог быть удовлетворен: за год до смерти Ленин осудил Сталина, но безрезультатно; три года спустя после смерти Сталина его продолжатель решил открыто приступить к подготовке политической смерти Сталина.

ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКИХ ДЕЛЕГАТОВ И СЕКРЕТНОЕ ЧТЕНИЕ ДОКЛАДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ

Двадцатый съезд компартии СССР производит иногда впечатлени подобное тому, какое выносишь от *театра одного актера*; и этим единственным актером был Хрущев. Он произносит вступительную и заключительную речи, представляет отчетный доклад; он назначается председателем комиссии по составлению заключительной резолюции съезда и председателем нового Бюро по внутренним делам РСФСР. Но во всех этих событиях и действиях отсутствует основное — то есть доклад о „культе личности”; в крайне многословных отчете

тах по работе съезда, появляющихся в советской печати, нет ни одного слова об этом докладе.

И тем не менее, внимательное чтение „Правды” позволяет обнаружить некоторый указатель: 25 февраля официальный орган компартии СССР печатает отчет о пленарном заседании, состоявшемся утром 24, под председательством Первухина, и посвященного обсуждению доклада Булганина, связанного с рядом экономических вопросов. Но в этих отчетах ничего не говорится о том, чем именно занимались участники съезда вечером, — обычно второе заседание происходило как раз после обеда. На следующий день, 26 февраля „Правда” сообщила, что двадцатый съезд закончил в Кремле свою работу. И никаких сообщений в печати о том, было или нет утреннее пленарное заседание.

Как раз в эти дни — 24 февраля вечером и 25 на раннем рассвете — Хрущев знакомил делегатов со своим докладом „о культуре личности и его последствиях”. *Конспиративность* (по-русски в тексте. — А. Ю.) была безукоризненно соблюдена. Жертвами этой конспиративности стали несколько десятков делегаций „братских компартий”, которые не были допущены на закрытое чтение. Но и этому „заговору молчания” Хрущев наносит удар: он решает информировать руководителей коммунистических иностранных делегаций как раз в тот момент, когда он произносит свою речь.

Лишний раз Хрущев пытается показать, до какой степени он отличается от Сталина, который не имел никакого уважения к иностранным коммунистам. Он попросту ставил их перед совершившимся фактом, даже когда речь шла о решениях, крайне важных для их собственного существования. Хрущев же считал необходимым держать „братские партии” в курсе того вопроса, который, в первую очередь, был внутренним делом советских.

Перевод этого доклада на закрытом заседании в то время не существовал еще ни на одном иностранном языке. Но среди наиболее важных представителей различных иностранных делегаций были бывшие сотрудники Коминтерна, долго жившие в СССР и понимавшие русский язык, как, например, поляк Берут, болгарин Червенков, венгр Ракоши, немец Ульбрихт или китаец Ван Шио-сян (учившийся пять лет в СССР). Несколько генеральных секретарей западных компартий также знали русский язык — Торез, Тольятти, Ибаррури, Копленик (Австрия). Многие годы они жили в СССР и вполне достаточно знали русский язык, чтобы понять содержание доклада (если требовалось, с помощью другого делегата, — напр., Торезу помогал Жорж Коньо).

Их поставили в известность следующим образом:

Два партийных советских чиновника являлись в комнату главы делегации и передавали ему кассету с записью доклада Хрущева на закрытом заседании о „культе личности и его последствиях”. На следующий день утром глава делегации должен был возвратить эту кассету, но он был волен сообщить (или умолчать!) другим членам делегации о ее содержании. Жак Дюкло, второй по своему весу представитель французской делегации, в своих воспоминаниях, опубликованных уже после смерти Тореза, утверждает, что содержание доклада в то время ему было неизвестным: „Со своей стороны, я был крайне недоволен тем, что нас, делегатов „братских партий”, лишили возможности присутствовать на чтении этого доклада, с которым затем мы познакомились в буржуазной прессе” (5). Если это утверждение соответствует действительности (в чем можно сомневаться), то виновата в этом не советская компартия, а Морис Торез. Со своей стороны, Тольятти не счел нужным немедленно сообщить о содержании этого доклада членам итальянской делегации, в которую также входила его первая жена Рита Монтаньяна. Когда Мауро Скочимаро, второй по политическому значению член делегации (после Тольятти), стал расспрашивать о содержании этого конфиденциального документа, Тольятти ответил, что все это лишь чепуха, не имеющая никакого значения (6). Когда другой член итальянской делегации спросил Тольятти о таинственном советском чиновнике и кассете, тот лаконично изрек: „Ничего, просто глупость, ты же знаешь, что они из всего делают тайну” (7). Пользующийся репутацией наиболее „либерального” генсека среди всех руководителей иностранных компартий Тольятти не нашел нужным сообщить о докладе своему ближайшему окружению. Этот человек, которого считали самым умным среди вождей компартий Запада, безо всякого сомнения, сразу же уловил взрывчатый характер доклада Хрущева. И поэтому-то он действовал с такой осторожностью.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДОКЛАДЕ НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ

В самом конце своей обвинительной речи по поводу „культы личности” Хрущев заявляет: „Мы не можем допустить, чтобы этот вопрос вышел за пределы кругов партии, в особенности же, чтобы он попал в печать. Вот почему мы его обсуждаем здесь, на закрытом заседании Съезда. Нам следует знать пределы, мы не должны давать

оружие в руки нашим врагам, не должны полоскать наше грязное белье у них на глазах” (8).

Можно было подумать, что время повернуло вспять на полвека и партия вернулась ко временам ранней деятельности Ленина и к подпольной работе! Закрытое заседание, безмолвие прессы, запрещение участникам съезда делать записи, словно работа этого съезда проходила в Стокгольме или Лондоне, и все страшилось царской охранки! И как в 1905 или 1906 гг., после заседания возник вопрос: следует ли обнародовать решения и материалы съезда и каким образом это сделать?

Некоторые, из числа привилегированных, получили возможность познакомиться с докладом Хрущева почти на следующий день после закрытия работы съезда. Двое из числа этих привилегированных известны: это Светлана Сталина и Тито. Дочь Сталина рассказывает, что в конце февраля Микоян пригласил ее к себе и вручил ей доклад: „Прочитай, — сказал он. — А затем поговорим, если нужно” (9). Почти в то же самое время у Тито развивались следующие события: „Однажды вечером в конце февраля 1956 года, — рассказывает Светозар Вукманович-Темпо, — Тито срочно вызвал созвал секретариат исполнительного комитета, в который входили в то время Тито, Карделж, Ранкович, Госняк и я. Тито прочитал нам доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда компартии СССР, который только что закончился в Москве. Содержание доклада Хрущева меня буквально потрясло. Я никак не ожидал такого стремительного поворота. Тито, однако, не был удивлен, я сразу же это отметил” (10).

Хрущев не удовлетворился тем, что познакомил с докладом единственную дочь Сталина и его самого заклятого врага. Он верил в „демократический централизм” и в „коллективное руководство”; вместо сталинского образа действия он стремился возродить „ленинские нормы”. И вот тогда он решил ознакомить с докладом партийных *аппаратчиков* (по-русски в тексте. — А. Ю.) и партийных активистов. Было решено, что текст доклада будет передан республиканским и областным партийным секретарям. Каждый секретарь обкома или райкома должен был дать расписку в получении доклада и организовать чтение внутри здания обкома или райкома; экземпляр этого доклада было запрещено выносить из здания. Для первичных организаций было решено организовать заседания по следующему принципу: один из партийных чиновников являлся на это заседание с текстом доклада; представитель местной партийной элиты зачитывал этот текст, после чего „*аппаратчик*” (по-русски в тексте. —

А. Ю.) его уносил. Никто не должен был делать никаких записей, ни оповещать посторонних об этом заседании. Такого рода заседания были организованы в марте, как уточняет Светлана Сталина, присутствовавшая на одном из таких собраний в институте мировой литературы.

Разумеется, 1 436 делегатов XX съезда, тщательно выбранные из партийной массы, могли держать в секрете доклад Хрущева. Но как только этот доклад становился известен всей партийной массе, можно было с уверенностью сказать, что распространение его неизбежно. Как раз в это время, благодаря некоторым советским лицам, находящимся в контакте с западноевропейскими дипломатами и журналистами, становится известно о существовании доклада. 10 марта 1956 года американский посол Чарльз Болэн впервые слышит о нем; источник этого слуха — корреспондент английской коммунистической газеты „Дейли Уоркер”. На следующий день эти слухи подтверждает один американский профессор, который приехал в гости к своему отцу, советскому медику, только что занимавшемуся лечением одного члена центрального комитета компартии СССР (11). В последующие дни различный технический персонал, состоящий из советских граждан, работающих у иностранцев, — уборщицы, домработницы, шоферы, — начинает рассказывать о закрытом заседании „активистов” партии.

Первое сообщение о докладе Хрущева на закрытом заседании в западной прессе мы находим в статье Харрисона Салисбэрри, бывшего корреспондента „Нью-Йорк Таймс”, где 16 марта и была напечатана его статья. Некоторые сведения, попавшие в эту статью, неточны. На другой день после публикации этой статьи телеграфное агентство Рейтер печатает депешу, в которой с большей точностью пересказывается основное содержание доклада Хрущева. Почти одновременно начинают раздаваться голоса и в западном коммунистическом лагере. 14 марта Тольятти, выступая перед центральным комитетом партии, подвергает критике — но не преступления Сталина, а собственные политические действия. Московский корреспондент „Юманите” Пьер Анжес в трех статьях (напечатанных 19, 20 и 21 марта) дает весьма смягченное резюме доклада, пользуясь, вероятно, советскими источниками. 20 марта еженедельник югославской коммунистической партии печатает, в свою очередь, довольно пространное резюме доклада — более полное, чем отчет агентства Рейтер, и более близкое к оригиналу, чем резюме Анжеса. Наконец, 28 марта „Правда” печатает статью под заголовком „Почему культ личности чужд марксизму-ленинизму”, в которой Сталин подвер-

гается критике с помощью тех же самых аргументов, использованных в докладе, — например, приводится цитата Маркса, осуждающая „культ личности”, резко критикуется „Краткая биография” Сталина.

Отныне уже никто не может отрицать существование доклада и его общее направление. Но подлинный и полный текст пока еще хранится в секрете, — он станет известен всему миру лишь через два с половиной месяца.

„УТЕЧКА” ДОКЛАДА ХРУЩЕВА

Хрущев принял решение во имя „демократического централизма” познакомить первичные партийные организации с текстом его доклада на закрытом заседании — это облегчило распространение информации о существовании доклада и общем его смысле; другое решение Хрущева — во имя „пролетарского интернационализма” — познакомить „братские партии” с текстом доклада, позволило этому тексту оказаться на Западе.

Уже после распространения доклада Хрущева на Западе множество людей старалось присвоить себе пальму первенства в получении текста доклада. Так, например, генерал Рейнхард Гелен, шеф знаменитой западногерманской разведки, писал в своих воспоминаниях: „Насколько мне известно, наша разведка первой добыла полный текст секретного доклада Хрущева, с которым он выступил 25 февраля 1956 года на двадцатом съезде партии: в этом докладе говорилось о новой политике СССР по отношению к своим сателлитам и к иностранным государствам. По мысли Хрущева, мирное сосуществование, о котором шла речь, должно способствовать прежде всего возникновению разрядки международной напряженности между странами восточного блока и Западом — столкновение этих двух сторон продолжалось годы и годы” (12). Все эти сведения не только ни на чем не основываются и противоречат тому, что было известно тогда, но и к тому же включают грубейшую ошибку: ас западногерманской разведки попросту спутал секретный доклад Хрущева о „культе личности и его последствиях” с другим его докладом, перед всеми участниками съезда — текст его был напечатан тиражом в несколько миллионов экземпляров накануне выступления Хрущева и вскоре поступил в свободную продажу.

После того как *Госдепартамент* печатает доклад, стало более или менее ясно, что этот документ достиг Вашингтона через Варшаву. Ныне это могут подтвердить два мемуариста — американский посол

в СССР Чарльз Болэн и сам Никита Хрущев. Первый из них пишет: „В конце мая я получил из Вашингтона текст этого доклада, который попал в руки американской разведки в Варшаве” (13). Хрущев же дает некоторые уточнения: „Вот так польская компартия получила один экземпляр доклада. Во время работы двадцатого съезда генеральный секретарь польской компартии товарищ Берут умер. После его смерти началась неразбериха, и наш документ попал в руки некоторых польских товарищей, враждебно настроенных по отношению к Советскому Союзу. Они использовали его для собственных нужд и размножили его. Мне говорили, что один такой экземпляр был продан за крайне низкую цену” (14).

Но и эти воспоминания Хрущева, как всегда, приходится уточнять. Двадцатый съезд завершил работу 25 февраля, и Берут, глава польской делегации, некоторое время оставался в Москве, где и умер 12 марта. Он был погребен 16 марта в Варшаве, в присутствии Хрущева и нескольких других крупных деятелей международного коммунистического движения, которые присутствовали на двадцатом съезде — Чжу Де, Новотный, Жак Дюкло и т. д. Светозар Вукманович-Темпо, представитель Югославии на этих похоронах, рассказывает в своих *Воспоминаниях*, что Хрущев громко спросил его — в присутствии Чжу Де, Новотного и Дюкло, — прочитал ли он уже доклад на закрытом заседании; Вукманович-Темпо ответил утвердительно, и вскоре между ним и Хрущевым завязалась оживленная полемика (15).

Кто распространил этот доклад внутри польской компартии? Хрущев подозревал Романа Замбровского, члена политбюро и секретариата центрального комитета. В своих *Воспоминаниях* Хрущев не скрывает своего отрицательного отношения к этому польскому деятелю: он ничего не говорит о нем в первом томе, три раза цитирует его во втором, и каждый раз в крайне отрицательном смысле. Он также сообщает, что Замбровский содействовал проникновению евреев в иерархию польской компартии; впоследствии все отношения Хрущева с Замбровским сохраняют ту же дистанцию, поскольку Замбровский был единственным из польской партийной верхушки, который не проводил свой отпуск в Крыму, бок о бок с советским партийным руководством. Наконец, Хрущев утверждает, что Замбровский недоброжелательно относился к Москве (то есть к Хрущеву), и советский вождь неоднократно просил Берута сместить Замбровского и заменить его „товарищем польской национальности”. Берут не только этого не сделал, но даже известил об этом Замбровского (16).

В своих *Воспоминаниях* Хрущев не вспоминает о своем поведении по отношению к Замбровскому во время „неразберихи”, вызванной смертью Берута. Большинство членов политбюро польской компартии намеревалось выбрать Замбровского на самый высокий партийный пост; Хрущев наложил на это решение вето (есть некоторые сведения, из которых следует, что Хрущев даже оставался в Варшаве после похорон Берута для того, чтобы присутствовать на пленарном заседании центрального комитета польской компартии, на котором должны были состояться выборы генсека). Высший довод Хрущева сводился к тому, что генсек польской компартии не должен иметь фамилию типа „Абрамович” (17). Хрущеву удалось навязать свою волю: Замбровский не только не был избран первым секретарем, но был вынужден выйти из состава руководства партии в июле 1963 года, — то есть тогда, когда Хрущев еще царствовал в Кремле.

Таким образом, все копии были сделаны с единственного экземпляра доклада, представленного центральному комитету польской компартии. Далее размножить документ не представляло никакой трудности. Доклад Хрущева на закрытом заседании явился одной из первых акций Самиздата в послесталинское время. В конце марта 1956 года доклад становится известным многочисленным кругам польских чиновников и партийных активистов, вокруг него разгорается полемика. Вскоре этот документ начинают продавать на черном рынке. Один американский покупатель смог приобрести его за сумму, не превышавшую триста долларов. По всей вероятности, никогда еще документ такой беспредельной исторической важности не был куплен за столь низкую цену! Это обстоятельство вызвало возмущение Хрущева, как свидетельствуют об этом его *Воспоминания*.

Что же собирались делать с этим докладом американцы после того, как он попал к ним в руки? Они начинают раздумывать об уместности его публикации. Именно в таком духе Болэн пишет 2 июня из Москвы: „Я прихожу к следующему выводу: если основная цель публикации заключается в том, чтобы поставить советских руководителей в неприятное положение, то я скорее склоняюсь к тому, чтобы этот текст не печатался” (18). Но его совет не был услышан. Этот доклад на закрытом заседании становится делом двух братьев: Аллена Даллеса, „шефа” ЦРУ, которое раздобыло его, и Джона Форстера Даллеса, шефа *Государственного Департамента*, который должен был опубликовать его (19).

4 июня Государственный Департамент печатает доклад Хрущева, который в тот же самый день полностью воспроизведен на страни-

цах газеты „Нью-Йорк Таймс” и затем „Монд” — 6 июня. После этой публикации возникают два существенных вопроса:

1. Является ли этот документ подлинным?
2. Целиком ли он попал за границу?

Если на первый вопрос ответ давался более или менее утвердительный, то относительно второго возникали некоторые сомнения.

В коммунистическом мире, как и в мире ему противостоящем, история фальшивок не нова: она начинается после революции 1917 года и продолжается до конца пятидесятых годов: еще при жизни Сталина появились такие книги, как *Дневник Литвинова* или *Мой дядя Иосиф* Буду Сванидзе, некоей выдуманной личности, которую выдавали за племянника Сталина. Но всякий раз эти фальшивки были разоблачены компетентными историками. В случае же с докладом Хрущева на закрытом заседании ни один специалист по коммунистическому движению не подверг сомнению подлинность этого доклада! Кстати, совсем иначе обстояло с первым томом *Воспоминаний* самого Хрущева: журналист Виктор Зорза заподозрил американцев в том, что они сфабриковали эту книгу, тогда как Леонард Шапиро и Тибор Самюэли скорее склонялись к тому, что этот том сфабрикован КГБ.

Советские руководители и западные коммунисты, разумеется, не могли встать на позицию невозмутимых историков. Хрущев дает некоторые объяснения по этому поводу в своих *Воспоминаниях*: „Вот таким образом, через Польшу, доклад в конце концов был опубликован. Но мы не стали подтверждать его подлинность. Я помню, что на вопрос журналистов: „Что вы можете сказать по поводу доклада, который вам приписывают?”, у меня вошло в привычку отвечать, что я об этом ничего не знаю и что они должны обратиться к Аллену Даллесу, то есть к американской разведке” (20). Но в беседах с Болзном советские руководители были менее категоричны. 14 июня — то есть десять дней спустя после публикации доклада — американский посол обратился с рядом вопросов к Молотову и Маленкову: „Они отвечали, улыбаясь, что тот вариант доклада, который имел хождение за границей, был неточен” (21). На следующий день Болзэн обратился с тем же самым вопросом к Хрущеву, тот заявил, что „... те переводы, которые напечатаны за границей, не соответствуют действительности”, и добавил, что он еще не читал перевод, опубликованный *Государственным Департаментом*, поскольку „потребовалась большая переводная работа на русский язык”, а затем сменил тему разговора (22).

Советская позиция была достаточно характерной: на страницах советских газет не развязывалась „кампания против буржуазной фальсификации”. Более того: советское руководство разрешило употребление некоей формулировки, которая скорее подтверждала подлинность этого документа (то есть доклада): действительно, 27 июня газета „Правда” опубликовала статью Юджина Дэнниса, генсека американской компартии, о значении двадцатого съезда; в этой статье упоминалось о „распространении *Государственным Департаментом* перевода особого доклада Хрущева”. Редакция „Правды” сделала сноску к этой фразе в довольно нейтральном духе: „Автор имеет в виду материал, опубликованный в прессе *Государственным Департаментом* и получивший название доклада Хрущева на двадцатом съезде коммунистической партии Советского Союза”.

В конце 1956 года в СССР было даже официально подтверждено существование доклада Хрущева на закрытом заседании. В отчетных материалах двадцатого съезда, изданных отдельной книгой, говорилось: „Съезд заслушал на закрытом заседании доклад первого секретаря центрального комитета коммунистической партии Советского Союза товарища Хрущева „О культе личности и его последствиях” и принял по этому поводу резолюцию”. Эта резолюция была краткой, но достаточно красноречивой. В ней предлагалось принять „соответствующие меры” для полного уничтожения „культа личности” и ликвидации его последствий в плане партийной, государственной и идеологической деятельности...” (24). Нередко случалось, что в частной беседе советские руководители признавали существование этого доклада и его подлинность – так было, например, с Микояном, который в беседе с Луисом Фишером заявил, что считает публикацию этого доклада „преждевременной” (25).

Если согласиться, что текст опубликованного доклада был подлинным, то, с другой стороны, был ли он опубликован полностью? Можно отметить несколько пропусков в переводе, который был напечатан 4 июня, по сравнению с текстом, представленным на двадцатом съезде партии и на партийных собраниях. В нем отсутствует, например, отрывок, в котором рассказывается о маниакальной страсти Сталина к прогулкам среди статуй с собственным изображением. А ведь эта поразительная деталь фигурировала и в тексте самого доклада, и в депеше агентства Рейтер от 17 марта. Нет и отрывка, в котором шла речь о том, как Сталин приступил к ликвидации Вознесенского. Когда Эугенио Реале отправился в Югославию, в конце марта 1956 года, он был принят Эдуардом Карделжем; во время этой встречи Карделж вынул из ящика письменного стола экзем-

пляр доклада на закрытом заседании, на русском языке, и перевел Реале два эпизода, один из которых имел отношение к ликвидации Вознесенского (26). Трудно вообразить, что эти два эпизода были выбраны для того, чтобы усилить всю существенную важность этого явления — „феномен Сталина” — поскольку эти эпизоды почти незначительны по сравнению с другими, которые цитировались в докладе. Проще выдвинуть, не особенно рискуя впасть в серьезное заблуждение, следующую гипотезу, чтобы объяснить исчезновение одного из эпизодов: эти детали, сохранившиеся в тексте, который получил распространение за границей, были упразднены в тексте доклада, предназначавшемся для стран социалистического блока. Советские руководители хотели внушить, что отрывочные переводы доклада, появившиеся на Западе, не соответствуют оригиналу, искажены, а может быть, вообще попросту сфабрикованы. Другая деталь также отсутствует в тексте, оказавшемся за границей: Хрущев, полный ярости, рассказывает участникам съезда, как во время кремлевских обедов Сталин обращался с ним, Хрущевым, как с украинским мужиком, приказывал ему танцевать знаменитый гопак, что тот должен был исполнить. Исчезновение этой детали объясняется совершенно очевидным соображением личного престижа.

РЕАКЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПУБЛИКАЦИЮ ДОКЛАДА

Опубликование доклада Хрущева на закрытом заседании в западной печати, передача его по радио во всем мире вынудили коммунистические партии, так или иначе, принять в расчет существование этого документа. В этой ситуации, совершенно беспрецедентной, у них оказалась двойная реакция: с одной стороны, они афишировали различные точки зрения относительно этого доклада — разнообразие, доселе невиданное в истории коммунизма; а с другой стороны, они продемонстрировали редкое единодушие, которое и сегодня, двадцать лет спустя после двадцатого съезда, остается неизблемым*.

Разногласия возникли между коммунистическими партиями по поводу десталинизации; некоторые из генсеков (как, например, Энвер Ходжа в Албании) с самого начала отвергли принцип десталинизации, отдавая себе ясно отчет, что она представляет для них открытую угрозу и повлечет за собой глубокие неприятности; дру-

* Написано в 1976 году. Примечание переводчика.

гие (как, например, Торез) заявляли, что „культ личности” в его партии никогда не существовал и поэтому нечего искоренять. Иные, как Тольятти, хотели приспособить эту политику и попытаться (как Ракоши в Венгрии) реабилитировать некоторых погибших (Райк и др.), но не живых (таких, как Имре Надь), в противоположность Ошабу, который совершенно иначе поступил с Гомулкой.

Эти разногласия по поводу десталинизации являют яркий контраст с тем единодушием, проявленным компартиями в вопросе издания и распространения доклада на закрытом заседании: ни одна коммунистическая партия „социалистического” или „капиталистического” мира за двадцать истекших лет не решилась переиздать и распространить доклад. Ни Тито, творца „национального коммунизма”, ни Тольятти, барда „либерального” коммунизма, их национализм и либерализм не привел к решению широкого распространения доклада. Безо всякого сомнения, тогдашние события (польский Октябрь, венгерская революция) должны были в 1956 году приучить их к большой осторожности. Но двадцать лет спустя совершенно ясно, что доклад принадлежит истории, тем более что в нем идет речь о событиях полувековой давности. И несмотря на давность времени и бесконечные разделения марксистско-ленинских капищ, доклад на закрытом заседании неизменно остается в списке запрещенных или нежелательных для издания книг.

Коммунисты, еще во времена Ленина, анализируя какой-нибудь факт, политически важный, привыкли задавать себе вопрос (который для них чаще всего бывает уликой) : „кто это сказал?” – вместо того, чтобы спросить: „правда ли это?” Поскольку абсолютная ложь вступила на царствование вместе со сталинизмом, любая неприглядная действительность оказывалась фактом лишь в устах некоммунистов, антикоммунистов или экскоммунистов, которых правверные сталинисты должны были за это заклеить позором. Но этот критерий был основательно поколеблен докладом Хрущева: магическая формула „кто это сказал?”, служившая ранее для того, чтобы сметать любой факт, так или иначе мешавший, не могла быть эффективной, ибо на этот раз говорил прямой наследник Сталина, вождь компартии СССР и всего мирового коммунистического движения.

Как только доклад Хрущева на закрытом заседании был опубликован, компартии различных стран по-разному его прокомментировали; это наводит на мысль, что Москва не рассылала никаких директив с целью согласования их возможной реакции. У некоторых из этих партий действовал обычный сталинский рефлекс. На вопрос: „кто это сказал?” – они отвечали „*Государственный Департамент*

США”, и выводили, что этот доклад не что иное, как новая недостойная махинация империалистов. Таков был ответ компартии Люксембурга („*Zeitung vom Letzeburger Vollek*”, 6 июня), и компартии Голландии („*De Waarheid*”, 7 июня). Напротив, еженедельник американской компартии („*Daily Worker*”, 6 июня) признал подлинность доклада, а английская компартия пошла еще дальше: было объявлено, что руководство партии приступило к изучению доклада Хрущева и открывает по этому поводу дискуссию („*Daily Worker*”, 22 июня).

Отношение Тольятти к докладу Хрущева на закрытом заседании было сложным. Первоначально он хранил молчание — ведь Хрущев сообщил ему, что этот документ не будет распространяться в ближайшее время, но по небольшим дозам постепенно будет просачиваться в печать. Затем он понял, что необходимо выйти из этой безмолвной позиции — в центральном комитете партии его подвергли критике и, в частности, Террачини. Наконец, после публикации доклада на закрытом заседании Тольятти решает не плестись за всеми этими событиями, но обогнать их. Он начинает с того, что ставит ряд вопросов, просмотренных в спешке Хрущевым, — как, например, вопрос о марксистском анализе феномена сталинизма, или о бюрократизации и частичном разложении советской системы (все эти вопросы были новыми лишь в устах Тольятти), или о появлении полицентризма в мировом коммунистическом движении. Тольятти развивает все эти вопросы в своем знаменитом интервью, которое он дал журналу „*Nuovi Argomenti*” и на следующий день перепечатала „*Унита*”. „*Правда*” не замечает это интервью, но, когда через две недели центральный комитет компартии СССР печатает свою резолюцию о „культе личности”, „*Правда*” квалифицирует интервью как „интересное и подробное”, содержащее, правда, несколько сомнительных тезисов, наряду с правильными и важными суждениями (27).

Из всех западноевропейских компартий лишь французская компартия изобрела следующую формулировку: „Доклад, приписываемый товарищу Хрущеву”; это не означало, что доклад рассматривается как фальшивка, но эта мутная формулировка привела к тому, что было невозможно публично и официально вести партийные дебаты о нем до тех пор, пока подлинность его не будет установлена. Короче говоря, Торез, который отлично знал о подлинности доклада на закрытом заседании, прибегнул к отвлекающему маневру с тем, чтобы выиграть время. Политбюро французской компартии опубликовало коммюнике, в котором говорилось, что оно „обрати-

лось к центральному комитету компартии СССР с просьбой предоставить текст этого доклада...” (28). Действительно, 26 июня делегация, включавшая трех руководителей французской компартии, отправилась в Москву; участники делегации имели продолжительную беседу с Хрущевым и его коллегами. По возвращении представитель делегации представил отчет центральному комитету, который единогласно принял резолюцию, напечатанную на следующий день в „Правде” (от 8 июля; совершенно очевидно, что она была одобрена советским руководством). Эта резолюция способна привести в изумление — цель поездки делегации в Москву была окутана молчанием и о докладе Хрущева в ней не упоминалось!

Но зато всем членам французской компартии предлагалось заняться изучением резолюции центрального комитета компартии СССР (напечатанной 2 июля), в которой вся суть доклада на закрытом заседании была обескровлена.

Отношение китайской компартии к докладу на закрытом заседании до начала советско-китайских конфликтов было положительным и определенным; затем положение осложнилось.

Когда советское руководство решило предоставить компартиям, находящимся у власти, экземпляр доклада Хрущева на закрытом заседании, а также продемонстрировать „солидарность братских коммунистических партий” в борьбе с „культом личности”, китайская компартия была первой, на которую ссылалась советская печать. Так, 7 апреля „Правда” полностью перепечатала текст, появившийся два дня назад в китайской газете „Народный ежедневник” („Женьминь Жибао”), который, как сообщалось в газете, „был составлен после дискуссии на заседании центрального бюро”. Этот текст был напечатан под заголовком „Об историческом опыте диктатуры пролетариата”. Кремлевские вожди прибегли к этой уловке с тем, чтобы нанести еще один удар по Сталину, воспользовавшись для этого документом „братской партии”, наиболее престижной компартии в мире, после советской, перепечатывая китайские инвективы против „культа личности”.

Эта статья, „Об историческом опыте диктатуры пролетариата”, всецело удовлетворила советское руководство (и в первую очередь Хрущева): „Двадцатый съезд коммунистической партии Советского Союза с предельной остротой разоблачил „культ личности”, — говорилось в этой статье, — который распространялся в советской жизни в течение долгого периода, привел к многочисленным ошибкам в хозяйстве, повлек за собой печальные последствия. Мужественная самокритика прошлых заблуждений свидетельствует о принципиаль-

ном духе внутри коммунистической партии СССР и о непобедимой жизненной силе марксизма-ленинизма...” (30)

Опубликование доклада на закрытом заседании в июне вызвало глубокое волнение среди коммунистических западных партий и травмировало многих членов партии. Но оно, как кажется, совершенно не взволновало китайскую компартию, которая продолжала воздавать бесчисленные хвалы двадцатому съезду компартии Советского Союза. На восьмом съезде китайской компартии, собравшемся в сентябре, основной докладчик Лю Шаоци не скупился на похвалы по адресу двадцатого съезда, и сам Мао Цзедун в своей краткой вступительной речи приветствовал это историческое событие, каким был двадцатый съезд, в то время как Микоян, глава советской делегации на съезде, отмечал „... глубокое понимание и поддержку великой коммунистической партии Китая” решений, принятых на двадцатом съезде.

Когда разразился советской-китайский конфликт в начале шестидесятых годов, послуживший причиной ядовитой полемики, Хрущев и Мао в тезисах по поводу доклада на закрытом заседании входят в открытое столкновение. В последнем томе *Воспоминаний* Хрущев утверждает следующее: „Сначала Мао занял такую позицию, по которой мы имели полное право критиковать Сталина за его превышение власти. Он утверждал, что это решение, принятое на двадцатом съезде, было совершенно разумным” (32). Далее Хрущев сообщает, что китайский лидер даже перечислил ошибки Сталина, касавшиеся его китайской политики: его поддержка Чан Кайши (Мао показал несколько писем Сталина этому генералу-националисту), или недооценка всего значения китайской революции и те помехи, которые Сталин создавал; не забыл Мао и о политике Коминтерна к этой китайской революции. (Всем этим упрекам можно безо всякого труда найти исторические доказательства.)

Как и все коммунисты, склонные переписывать историю в зависимости от новой политической ситуации, китайские коммунисты годом своего первоначального разрыва с СССР выбрали не 1958 год, как это было на самом деле, но 1956 — год двадцатого съезда и доклада Хрущева на закрытом заседании. А 1963 году они обвиняют Хрущева: „В своем докладе на закрытом заседании Хрущев сочинил лживые истории, коварно пользовался демагогией, обвиняя Сталина в „жажде гнать и наказывать”, „бесконечном самоуправстве и произволе”, в том, что он встал „... на путь массовых гонений и террора” и знал „внутреннее положение страны и, в частности, сельского хозяйства лишь по фильмам” (33). Но когда китайцы пробуют дока-

зять, что они были враждебно настроены к двадцатому съезду с самого начала, они не в состоянии привести в качестве доказательства ни одного документа, исходящего от высших партийных органов. Они ограничиваются тем, что указывают на беседы Мао с Микояном и советским послом в апреле 1956 года, или на речи, обращенные к советским руководителям Лю Шаоцы или Чжоу Эньлаем в конце этого года. Но подобные возражения, которые, как настаивают китайцы в 1963 году, были якобы ими сделаны в 1956, исходили в год двадцатого съезда почти от всех коммунистических партий, и в печатном виде, а не в разговорах, как это было с китайской компартией. Когда Мао в частной беседе с Микояном говорил, что „нужен конкретный анализ” феномена Сталина, когда Чжоу Эньлай и Лю Шаоцы осыпали упреками — в устной форме — советских руководителей „за полное отсутствие глубокого анализа”, они были значительно менее дерзновенны, чем Тольятти. Когда Мао, как он утверждает, сказал в октябре 1956 года советскому послу: „Нужно критиковать Сталина, но мы не согласны с использованными методами” (34), он недалеко опередил американскую компартию; вот что писал ее центральный орган 6 июня: „Мы безо всякого колебания заявляем, что не одобряем того образа действия, благодаря которому доклад Хрущева был напечатан” (35). Когда, наконец, в 1973 году на Формозе (Тайване) становятся доступными бесчисленные речи и заявления Мао, напечатанные для внутреннего использования, становится очевидным, что документы, датируемые 1956 годом, поддерживают хрущевский тезис. Например, китайский лидер заявляет, на расширенном заседании политбюро в апреле (на этом заседании была подготовлена к печати резолюция от пятого апреля): „Советский Союз только что приступил к широкому движению критики и самокритики; некоторые из этих методов движения никогда не применялись ни у нас, ни в СССР” (36). Даже в декабре 1956 года, когда из-за шокового состояния, в котором находятся компартии Востока и Запада, возникает более или менее прямая связь между распространением доклада на закрытом заседании и теми событиями, о которых шла речь, Мао обращает свою критику скорее по адресу Сталина, чем хрущевского доклада: „Нужно вспомнить, — говорит он, — такие явления, как Берия или Као Кан; нужно признать существование ошибок Сталина, которые столь же чрезмерны, как венгерские события” (37).

ОТ ДВАДЦАТОГО СЪЕЗДА К ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ. ПРИЗРАК ДОКЛАДА ХРУЩЕВА НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ

Доклад на закрытом заседании никогда не был напечатан в коммунистической прессе, и тем не менее своим существованием он оказал огромное влияние на все коммунистическое движение. Перефразируя слова Маркса и Энгельса, можно было сказать в 1956 году: „Призрак преследует коммунизм, призрак доклада Хрущева”!

Трудно и даже невозможно найти в истории еще один пример человека, который сначала был бы столпом государственной системы, ее центральным лицом — и затем бы стал ее основным обвинителем. Бертрам Д. Вольф был совершенно прав, когда писал в 1957 году в комментарии к докладу: „Этот документ, вероятно, является самым важным из всех, которые когда-либо появлялись в коммунистическом движении... Это наиболее убедительная обвинительная речь против коммунизма, когда-либо сделанная коммунистом, речь против всей советской системы, когда-либо произнесенная советским руководителем” (38). И такова уж судьба „первой социалистической страны в мире”, что она всегда последней узнает и литературные, и политические произведения, написанные на ее родной почве: „Завещание” Ленина пролежало более тридцати лет, прежде чем было напечатано; доклад Хрущева по-прежнему ожидает печати, так же, как и „Доктор Живаго” и произведения Солженицына.

Доклад Хрущева на закрытом заседании обладает тремя характерными свойствами: это наиболее разоблачительный из всех документов, которые были напечатаны об истории советской России за последние тридцать лет; к тому же, он наиболее краткий, что не такое уж частое свойство для системы, в которой еще стойко хранится вера „в переход количества в качество”; и наконец, из всех документов его наиболее тщательно прячут под спуд, по мере того как удаляется год двадцатого съезда.

Для того, кто хочет понять советскую действительность, а не ее идеологию и бесчисленные заявления вождей, доклад на закрытом заседании, безусловно, является наиболее поучительным документом, во всяком случае, для тридцатилетнего периода советской политической истории. В разнообразных версиях, представляющих историю компартии СССР (сегодня их не менее 12-ти), мы не прочитаем ни слова правды: в них даны различные фальсификации, от одного фазиса к другому, от одной генеральной линии к последующей. Та доктрина, которая была разработана Лениным в его книге „Государство и Революция”, еще до захвата власти большевиками, столкнущ-

шись с реальностью, лишь со всей убедительностью показала бездну, существующую между идеологическими намерениями Ленина и действительным завершением советской системы. Программа коммунистической партии Советского Союза, названная в год своего появления в 1961 году „Коммунистическим манифестом XX века”, уже давным-давно фактически позабыта. Конституция 1936 года, названная „сталинской” и „самой демократической в мире”, с самого первого дня своего появления никогда не исполнялась; и сама советская философия является плодом таких же „аппаратчиков” и чиновников, какие занимаются животноводством в Казахстане или полезными ископаемыми.

До публикации доклада на закрытом заседании сталинскую систему и самого Сталина защищали и прославляли все коммунистические партии мира (за исключением югославской), широкие круги прогрессистской интеллигенции, представители буржуазной элиты (политики, социологи, историки), которые тем самым стремились быть „объективными”. Всем им доклад Хрущева нанес окончательный удар. После публикации его никто уже не решался писать, как раньше. (Шок был столь значителен, что в сентябре 1975 года коммунисты и их соратники, отмечая сорокалетие со дня смерти Анри Барбюсса, совершенно обошли молчанием его книгу о Сталине, полную дифирамбов по адресу вождя.) После появления доклада Хрущева возникают две силы, которые, в свою очередь, пытаются сорвать покров с советской действительности: это — „гошисты” (левые), в особенности начиная с 1968 года, и Александр Солженицын, вместе с русскими инакомыслящими. Результат воздействия этих двух сил уже сейчас налицо: никто уже не осмеливается защищать как прежде советскую коммунистическую догматику, — даже французские коммунисты.

Существует некая взаимодополняемость между докладом Хрущева на закрытом заседании и „Архипелагом ГУЛагом”: если первый является документом наиболее убедительным о страданиях коммунистов (но не народа!) во времена Сталина, то второй — наиболее убедительный документ о страдании всего народа (но не коммунистов!) во времена и Ленина, и Сталина. Все эти преступления были совершены Сталиным и были известны задолго до появления доклада на закрытом заседании, но лишь после публикации доклада они стали восприниматься всеми как таковые. То же самое можно сказать о концентрационных лагерях в СССР, которые существуют уже в этой стране свыше полвека, но Запад осознал это лишь после „Архипелага ГУЛаг”. В первом случае для этого потребовался „номер

один” советской компартии, во втором — „номер один” современной русской литературы. Доклад на закрытом заседании лишил советский коммунизм его идеологического иммунитета; „Архипелаг ГУЛаг” лишил его иммунитета морального. На медали, которую следовало бы выбить в честь советского социализма, на одной стороне значилась бы формула Ленина: „Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны”, а на другой: „Коммунизм — это доклад Хрущева на закрытом заседании на двадцатом съезде плюс ‘Архипелаг ГУЛаг’”!

И доклад, и „Архипелаг ГУЛаг” — документы большого исторического значения, но пока лишь доклад создал настоящее историческое событие.* После его публикации в июне 1956 года развитие событий принимает такое направление, которое, очевидно, не соответствовало намерениям Хрущева. „Локомотив истории” — используя метафору, столь любимую марксистами-ленинистами — развивает скорость, не подчиняясь ни Хрущеву, ни его „механикам”: вероятно, никогда еще в коммунистическом мире не переходили с такой быстротой от слов (доклад) к делу (потрясение всего коммунистического мира). С этой точки зрения, 1956 год в истории коммунистического движения — самый мучительный год после 1924 г., когда разразилась борьба за власть после смерти Ленина. Конечно, в истории советского коммунизма немало трудных лет: в 1919 году Белая Армия угрожает самому существованию ленинской власти; в 1921 г. — волнения в городах и деревнях, голод наступает на советский режим; в 1931—32 гг. Сталин начинает массовое истребление „кулаков”; в 1941 г. Гитлер вторгается в страну. И отличительной чертой всех этих трудных лет было то обстоятельство, что всякий раз коммунисты сталкивались с антикоммунистами, то есть их „классовыми врагами”. Но в 1956 году коммунисты находились на одной стороне баррикад, и в той борьбе, которая развивалась во всех планах — идеологическом, моральном, военном — они были единственными участниками, безо всяких „классовых врагов” или „империалистов”, которые сделали одну-единственную вещь: просто напечатали доклад Хрущева на закрытом заседании, тем самым подтвердив справедливость эпитафии первого номера газеты „Искра”, появившейся в декабре 1900 года: „Из искры возгорится пламя”.

* Написано в 1976 г.

ОТ ДВАДЦАТОГО СЪЕЗДА К ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ: ПРОТИВ СТАЛИНА, НО БЕЗ ДОКЛАДА ХРУЩЕВА НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ

Если бы руководство Кремля действительно хотело развивать то политическое направление, которое было указано в докладе, оно должно было бы начать тройное сражение:

1. Прежде всего обнародовать всю правду или, во всяком случае, ее значительную часть о сталинском режиме, длившемся около тридцати лет: за докладом на закрытом заседании должны были быть напечатаны и различные документы, и свидетельства о тех временах, и аналитические работы. Этого, как мы знаем, не случилось: после двадцатого съезда этот доклад не был напечатан, даже частично. В статьях и книгах, появляющихся в СССР, мы не находим малейшего упоминания о нем. В 1959 году на Западе вышло поддельное издание доклада, на русском языке, под маркой Госполитиздата, с указанием тиража — миллион экземпляров. Эта восьмидесятистраничная брошюра была напечатана в Западной Германии, и ее издатель — НТС (русское антикоммунистическое движение в изгнании, Народно-Трудовой Союз) — воспользовался тем же методом, каким пользовались сами большевики до 1917 года, когда они провозили в Россию революционную литературу под обложками вполне благопристойных книг.

2. Наказать виновников и соучастников сталинских преступлений среди партийного руководства (но где провести необходимую демаркационную линию? Не пришлось бы ли тогда начать с самого политбюро?) или, по крайней мере, среди карательных органов, в системе концентрационных лагерей и правосудия. И здесь ничего не было сделано, как свидетельствует об этом Солженицын (39).

3. Реабилитировать жертвы сталинского террора, оповестить всю страну о их невиновности, возместить им моральные и материальные убытки соответствующим образом. Если эти люди погибли в лагере или тюрьме, — реабилитировать их посмертно и предоставить их семьям денежные компенсации.

Лишь относительно третьего пункта — наименее опасного из трех — кремлевское коллективное руководство решает принять некоторые меры. Так, в 1957 году — незадолго до исключения „антипартийной группы” (Молотов—Каганович—Маленков) — на расширенном заседании президиума центрального комитета обсуждался вопрос о реабилитации военного начальства Красной армии, расстрелянного в 1937 году — Тухачевский, Якир, Уборевич и др., о которых Хрущев

ни словом не обмолвился в своем докладе. Но все эти реабилитации осуществлялись с чрезвычайной осторожностью: в какой-нибудь статье, появлявшейся в советском журнале или газете, говорилось, что такой-то руководитель большевистской партии стал жертвой „культы личности” (как будто убивал культ, а не карательные органы!). Иногда уже реабилитированному деятелю партии или государства посвящалась биографическая заметка в дополнительном 51 томе Большой советской энциклопедии. В большинстве случаев реабилитация сводилась к своего рода формуляру: в него вписывалось имя жертвы, и формуляр отсылался семье погибшего.

С такой же великой осторожностью власти действовали по отношению к Сталину. Вскоре произошедшая чистка среди историков прекрасно показала предел этой десталинизации. Историк Е. Н. Бурджалов, заместитель главного редактора журнала „Вопросы истории” напечатал статью „Тактика большевиков в марте и апреле 1917 года” (май 1956), где подчеркнул неустойчивую позицию Сталина, который в это время не был стопроцентным и безусловным ленинцем. В марте 1957 года по указу центрального комитета партии Бурджалов был снят с поста заместителя редактора и его статья подверглась строгой критике. В то же время Панкратова, главный редактор журнала „Вопросы истории”, которая вместе с Микояном была единственным оратором на открытом заседании двадцатого съезда, критикующим Сталина, отделалась лишь общественным порицанием. Таким образом, не только в политике, но и в исторических работах обличение „культы личности” сводилось к минимуму.

Двадцать первый съезд, состоявшийся в 1959 году, хоть и названный „чрезвычайным”, вопреки всеобщему ожиданию, не прибавил ничего нового к борьбе с „культом личности”. Тем не менее, три месяца спустя после съезда Хрущев в первый раз публично, на третьем съезде советских писателей, признал существование доклада на закрытом заседании: „Разве кто-то нас заставлял представлять доклад о культе личности и его последствиях на двадцатом съезде и оповещать о всех недостатках, с ним связанных? Никто...” (40)

В противоположность предыдущему съезду, двадцать второй должен был многих удивить, в том числе и тогда еще никому не известного Александра Солженицына: „После бесцветного XXI съезда, втуне и безмолвие оставившего все славные начинания XX-го, никак было не предвидеть ту внезапную залиvistую ярост-

ную атаку на Сталина, которую назначит Хрущев XXII съезду! И объяснить ее мы, неосведомленные, никак не могли! Однако она была, и не тайная, как на XX съезде, а открытая! Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде” (41).

Разумеется, в и этот раз Хрущев следовал отнюдь не за внезапным движением своей совести, когда повел вторую атаку на Сталина, закончившуюся тем, что труп тирана был вынесен из мавзолея. Нет, та борьба, которую Хрущев вел против мертвого Сталина, была лишь отражением и составной частью всей его борьбы против сталинистов, оставшихся в живых, которые, возможно, становились для него все более угрожающими. Почти все докладчики, выступавшие на двадцатом съезде с критикой Сталина, в то же время обличают „антипартийную группу”, обвиняя того или иного ее участника в превышении власти или соучастии в сталинских преступлениях. „Внутренние сталинисты” были не единственной мишенью, в которую целился Хрущев. Возобновляя свои нападки на Сталина, Хрущев одновременно метил и во „внешних сталинистов”, в албанских и китайских коммунистов; конфликт компартии СССР с ними становился уже публичным. В Тиране открыто, в Пекине более завуалированно начинали осуждать действия Хрущева на двадцатом съезде и его разоблачение „культы личности”.

Новое наступление Хрущева на Сталина на этот раз пошло гораздо дальше, чем первое. Прежде всего разоблачение сталинских преступлений было открытым и не было предназначено лишь для внутреннего пользования партийных активистов: о нем писала вся советская печать, и все советское население узнало о нем. С другой стороны, на этот раз Хрущев был не единственным обвинителем (как в 1956 году): более двадцати человек, среди партийных руководителей, выступали с обличительными речами, каждый заранее был облечен особой ролью: каждый из них говорил о том или ином сталинском преступлении и при этом подробно останавливался на соучастии Молотова, Кагановича, Маленкова, на действии всей „антипартийной группы”, в которую иногда включали также и Ворошилова. И, наконец, окончание двадцат второго съезда подвело к тому, к чему двадцатый съезд не привел: стало возможным продолжить разоблачение „культы личности” в литературных и научных произведениях. Эта официальная и открытая атака на Сталина вызвала у некоторых писателей мужество открыто предложить советским издательствам рукописи, в которых шла речь о человеческих судьбах в сталинский период (точнее говоря, о всей советской системе, но тогда об этом еще не говорилось). И в ноябре 1961 года никому не известный пи-

сатель представил редакции „Нового мира” рукопись, озаглавленную: „Один день Ивана Денисовича”. Этого писателя звали Солженицыным.

И все же в этом новом наступлении на Сталина, более обширном и разнообразном, чем первое, существенно отсутствовала одна важная деталь: в нем не содержалось ни малейшего намека, даже самого отдаленного, на существование доклада на закрытом заседании 1956 года. Даже когда докладчики, выступавшие с речами против Сталина, говорили о том, о чем было сказано в докладе на закрытом заседании, — например, роль Сталина во Второй мировой войне, реабилитация того или иного деятеля коммунистического движения, ставшего сталинской жертвой, как, например, Постышев, — даже и тогда не было никаких ссылок на доклад Хрущева. Публикация этого доклада на Западе в 1956 году произвела впечатление разорвавшейся бомбы, осколки которой серьезно задели всю социалистическую систему. Вот поэтому, вероятно, советские руководители, и сам Хрущев, пришли к выводу, что было необходимо предельно сократить радиус действия „бомбы”; и для этого, прежде всего, следовало не говорить об этом докладе на закрытом заседании, тем более не публиковать его, даже частично: малейший напечатанный отрывок подтвердил бы подлинность всего доклада.

Двадцать второй съезд закончил свою работу 31 октября 1961 года. Вскоре многочисленные писатели принялись за исследование разных аспектов „культы личности”, писание биографий той или иной жертвы Сталина. Историк, член компартии Рой Медведев стал собирать устные и письменные свидетельства, которые ему позволили написать книгу „Перед судом истории” — о сталинизме и Сталине. Этот труд получил хождение в Самиздате, никогда не был официально издан в СССР, но уже после падения Хрущева опубликован на Западе (42). Другой историк, также член партии, Александр Некрич проанализировал сталинскую позицию в начале советско-германской войны, начавшейся 22 июня 1941 года (43). Его книга была напечатана вскоре после падения Хрущева; через некоторое время она была изъята из продажи и библиотек, весь тираж был отправлен под нож. Другие писатели, более удачливые или более осторожные, смогли напечатать ряд книг, посвященных наиболее известным жертвам Сталина. Так, Л. Никулин напечатал книгу о Тухачевском (1964), Г. А. Марьягин — о Постышеве (1965), Н. Кондратов — о маршале Блюхере (1965). Во всех этих книгах ни разу не упоминается доклад на закрытом заседании. По всей вероятности, все ссылки на него в советской печати были запрещены.

„ПОСТЕПЕННОЕ ОТМИРАНИЕ” СТАЛИНА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОКЛАДА НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ

„Постепенное отмирание государства” – один из основных принципов „научного социализма”, который до сих пор утверждается марксизмом-ленинизмом, вопреки тому, что происходит на самом деле. В качестве шутки можно воспользоваться этим термином и сказать, что в СССР происходит „постепенное отмирание” Сталина, правившего страной более тридцати лет, и постепенное исчезновение наиболее важного обличительного партийного документа – доклада Хрущева на закрытом заседании.

Когда Брежнев был назначен генеральным секретарем партии, было трудно представить, каковой будет его позиция по отношению к „культу личности”, и будет ли она достаточно иной, чем хрущевская. Но потребовалось немного времени, чтобы убедиться в том, что политика Брежнева по этому вопросу ничего общего с хрущевской политикой не имеет. Уже лишившись власти, Хрущев выражал сожаление, что десталинизация проходила слишком медленно и в ней остались серьезные пробелы; как только Брежнев укрепил свою власть, он заключил вопрос о десталинизации, так сказать, в скобки, и в последующие годы такая позиция Брежнева лишь укреплялась. В своих *Воспоминаниях* Хрущев жалеет о том, что реабилитация старой ленинской гвардии была осуществлена не полностью: „Мы до бесконечности откладывали вопрос о реабилитации Бухарина, Зиновьева, Рыкова и других. Сегодня я могу сказать, что это было ошибкой. Надо было все сказать” (44). И далее: „По поводу 'Доктора Живаго' некоторые могут мне возразить, что я слишком поздно сожалею о том, что не дал напечатать эту книгу. Что ж, может быть, поздно. Но лучше поздно, чем никогда” (45).

Но перемены в политике по отношению к „культу личности и его последствиям” происходят не сразу после того, как Брежнев взял власть. Первые два года он занимался вопросами более актуальными, чем „культ личности”. Как только положение Брежнева упрочилось, в конце 1966 или начале 1967 гг. в советской историографии подул совсем другой ветер, в котором отчетливо чувствовалась верность новой политике брежневской верхушки. В 1967 году журнал „Партийная жизнь”, орган центрального комитета партии, опубликовал решение, принятое центральным комитетом и озаглавленное: „О правилах хранения архивов в Центральном комитете коммунистической партии СССР”. Это решение предусматривало три категории документов, которые ни в коем случае не должны были уничто-

жаться: жизнь и деятельность Ленина и его семьи, история партии до и после октябрьской революции, включая 1923 год, материалы, связанные с деятельностью партии и партизанского движения во время Второй мировой войны 1941—45 гг. Следовательно, это решение не касалось ни документов, связанных с периодом сталинизма (1924—1953), ни Коминтерна (1919—1943). Один из параграфов этого решения даже указывал на следующие условия, необходимые для уничтожения архивных материалов: „Документы архивов, находящихся в центральном комитете коммунистической партии Советского Союза, могут быть уничтожены лишь после тщательного исследования и представления списков, составленных Комиссией по экспертизе и контролю партийных архивов” (46). Иными словами, вопрос теперь сводился не к тому, печатать или нет секретные материалы, связанные с „культом личности”; стоило их хранить или надо было уничтожить — вот в чем стала задача. Даже во времена Сталина попытки такого рода уничтожения архивных материалов не предпринимались.

Вся деятельность Сталина совершенно беспрецедентна. То, что случилось с ним после смерти, также беспрецедентно. Пока он был жив, его труды были „бестселлерами” в СССР, за границей (47); никогда еще такое великое количество книг, брошюр, исследований, статей, стихотворений и т. д. не посвящалось живому человеку. Затем перешли от одной крайности к другой: тот, кто стоял во главе всего, происходившего в СССР, полностью исчезает из жизни страны; тот, кто правил этой страной более тридцати лет, теперь не имеет права ни на одну книгу о его жизни, ни на одну брошюру, ни на одно историческое исследование. Безо всякого сомнения, нельзя в истории найти еще один такой пример, когда от самых чрезмерных и панегирических восхвалений сразу же переходят к абсолютному замалчиванию. В СССР и в странах социализма не печатают ни сталинских книг, ни книг о Сталине. Все „братские партии”, находящиеся в капиталистическом мире, следуют этому правилу: ни одна из этих партий не переиздала труды того, кого ранее именовала „корифеем наук”, „Лениным сегодня”, „самым великим философом, языковедом, стратегом, экономистом и т. д. нашей эпохи”.

И все же, хотя книги Сталина и о Сталине исчезли в СССР, Сталин продолжает существовать в советской истории. И его новое положение связано с той политикой, которую по этому вопросу осуществил Брежнев и его окружение.

Содержание доклада на закрытом заседании, его метеорическое появление в политической советской жизни допускали лишь две воз-

возможности изложения советской истории за сталинские годы. Первая: пригвоздить Сталина к позорному столбу, за все его преступления. Но такое решение могло вызвать многочисленные щекотливые вопросы: соучастие в этих преступлениях всех советских руководителей, в том числе и Хрущева, всей партии, наконец, „марксистское” толкование феномена сталинизма и т. д. Вторая возможность: изгнать Сталина из советской истории, обречь его на точно такую же судьбу, на которую он когда-то обрек старую большевистскую гвардию, превратить его, говоря орвелловским языком, в „несуществование”. Но тут возникала другая опасность: в советской истории появилась бы пустота в тридцать лет. Вероятно, обе эти возможности были испробованы на деле во времена Хрущева. Брежнев и его окружение отказались от них для другой возможности, третьей: всей страной в течение этих тридцати лет руководила Партия, а Сталин был лишь одним из ее вождей. Это позволило не ввергать Сталина в небытие и не обличать его как преступника. Он стал попросту одним из вождей, совершившим некоторые ошибки, которые, тем не менее, нельзя рассматривать как преступления. Он не уничтожил ни старую ленинскую гвардию, ни даже собственную сталинскую; а то, что он как суровый хозяин относился к собственному окружению, значения не имело. Сталин становится одним из представителей коммунистической партии Советского Союза.

Три официальные версии, в которых излагается история компартии СССР, точно отражают посмертные сталинские „герзания” и нерешительность партийной верхушки по отношению к докладу Хрущева на закрытом заседании. Первая из версий относится к 1959–60 гг., сразу же после двадцатого съезда. Вторая помечена 1962 годом, то есть уже после двадцать второго съезда и публичных выступлений против Сталина. Третью можно датировать 1969–71 гг., несколько лет спустя после падения Хрущева. Вот как эти три варианта излагают события великой чистки 1936–38 гг.

В издании 1959–60 гг. истории КПСС около двухсот страниц было посвящено критике Сталина: первый и последний параграфы этой части посвящены изобличению „культ личности”; два других — более „теоретическим вопросам”, после чего следуют важные обвинения Сталина: „Репрессии коснулись также многочисленных коммунистов, честных и совершенно невинных советских беспартийных граждан. В течение всего этого периода Берия, мошенник и политический авантюрист, сумел достичь важных государственных должностей; он не останавливался ни перед каким злодеянием для достижения своих преступных целей и, пользуясь личными недостатками

Сталина, оклеветал и уничтожил множество честных людей, преданных Партии и народу. В тот же самый период постыдную роль сыграл Ежов, комиссар внутренних дел. С его помощью большое количество партийных активистов, коммунистов и беспартийных было оклеветано и расстреляно. Ежов и Берия были наказаны, как они этого заслуживали, за свои преступные действия. Жертвы несправедливых репрессий были полностью реабилитированы в 1954 и 1955 гг.” (48).

Во втором варианте эта часть сохранилась, но после полуразоблачений Хрущева на двадцать втором съезде по поводу убийства Кирова было прибавлено, что, начиная с 1 декабря 1934 года, „... начались массовые репрессии и нарушения социалистической законности”.

От всего этого не осталось ни одного слова в третьем варианте „Истории КПСС”. Даже само выражение „культ личности” полностью исчезло. Остались лишь два параграфа, содержащие „теоретическую” критику Сталина! (49)

Вот еще один пример. Он связан с началом советско-германской войны в июне 1941 года. В официальном варианте 1959–60 гг., соответственно тогдашним хрущевским обвинениям, ответственность Сталина была резко подчеркнута: „Одна из причин трудной создавшейся ситуации была ошибка, допущенная Сталиным в его оценке военной и стратегической обстановки в самом начале войны. Сталин, который нес ответственность за руководство всей страной и партией, обладал сведениями, достойными доверия, о скоплении и развертывании немецко-фашистских войск на западных границах СССР и о неминуемом их нападении на советскую территорию. Однако он считал, что все эти сведения провокационны... С целью лишить Гитлера всякого повода нападения на Советский Союз, советские войска не получили приказа сосредоточить свои силы и занять защитные позиции вдоль западных границ” (50).

В следующем издании этот отрывок сохраняется, и даже добавляется новое обвинение против Сталина: „недостаток бдительности по отношению к фашизму” и „неверная оценка создавшегося положения”. Последнее издание „Истории КПСС” не содержит никакой критики в адрес Сталина по поводу начала военных действий. Глава, посвященная началу войны 22 июня 1941 года, начинается следующей фразой: „Партия следила за все возрастающей угрозой со стороны фашистской Германии” (51), после чего говорится о роли Тимошенко, Жукова и Молотова, и дважды утверждается, что политбюро приняло необходимые меры в самый день начала войны! Предел иронии: это последнее издание „Истории КПСС” было написано спе-

циальным комитетом под председательством того самого Поспелова, который в 1956 году составил текст доклада на закрытом заседании, включавшего критику Сталина! Того самого Поспелова, который в сталинские времена был одним из авторов „Краткой биографии“, осужденной тем же самым Поспеловым на двадцатом съезде!!!

Произведения Сталина, вне СССР и стран восточной Европы, не везде подверглись остракизму. В Китае, например, издательство иностранной литературы после 1965 года издало несколько произведений Сталина, а в 1972 году – „Экономические проблемы социализма в СССР“, работу, которая подверглась критике на двадцатом съезде. В США „избранные произведения“ Сталина были изданы дважды. С другой стороны, три тома, дополняющие полное собрание сочинений, издание которого было прервано в свое время, также были изданы в Америке. Во Франции было объявлено о готовящемся – первом в мире! – полном собрании сочинений Сталина, которое должно состоять из шестнадцати томов, куда войдут тринадцать томов, изданных в СССР, и три дополнительных – в США*.

В западном, некоммунистическом, мире издается множество книг о Сталине. В США такой известнейший журналист, как Исаак Дон Левин, такие профессора знаменитых университетов, как Адам Улам (Гарвард), Роберт К. Тэкер (Принстон), опубликовали обширные тома сталинской биографии. Во Франции многочисленные журналисты – Жан Бенуа, Андре Бриссар, Жорж Бартоли, Марсель Оливье, политические деятели – Эмманюэль д’Астье де ля Вижри и Артюр Конт – издали книги о Сталине. В СССР ни историки, ни политические деятели не опубликовали ни одной строчки о Сталине. Но инакомыслящие, по каналам Самиздата, выпустили несколько книг: их авторы – Рой Медведев, генерал Григоренко, некоторые другие, менее известные.

Три рассмотренные выше позиции соответствуют различным положениям различных компартий.

В США компартии фактически не существует; поэтому сталинская тема открыта всем. Во Франции, где компартия составляет влиятельную общественную силу, сталинизм как тема исследования гораздо более сужена, и обрабатывать эту тему не всегда безопасно. В СССР, где компартия находится у власти, эта тема запрещена строжайшим образом. Парадоксальное положение! Обвиняе-

*Из этого плана почти ничего на практике не вышло. – А. Ю.

мый — Сталин, и обвинительный акт — доклад Хрущева на закрытом заседании — запрещены для исследования! Какое количество книг было написано за последние двадцать лет в западных странах о трех крупнейших государственных деятелях — Черчилле, Рузвельте, де Голле! Можно ли себе вообразить, какой исторический облик был бы у Англии, США, Франции, если бы пришлось свести роль этих деятелей к одной-единственной странице в истории Второй мировой войны!

Акция, осуществленная Брежневым и его окружением, по сглаживанию сталинских преступлений и, следовательно, по нейтрализации доклада на закрытом заседании, становится очевидной, если мы обратим внимание на юбилейные даты (празднование этих юбилеев часто дает ключ к разгадке кремлевской политики). В феврале 1966 года — десятая годовщина двадцатого съезда — „Правда” ни словом о нем не упоминает. „Коммунист”, теоретический журнал центрального комитета, также ничего о нем не говорит (но в нем дается информация о предстоящем двадцать третьем съезде, как и в „Правде”). Журнал „Вопросы истории КПСС” сохраняет то же молчание.

Можно легко представить, что двадцать пятый съезд КПСС, который должен начать свою работу 24 февраля 1976 года, постарается вообще „стереть” двадцатый съезд, словно он вообще никогда не существовал*. И для такого предположения есть следующее основание. Во имя возврата „к ленинским нормам” Брежнев и его окружение постоянно созывали партийные съезды в марте, как это было в ленинские времена. Разумеется, нынешнее руководство в своем желании вернуться к „ленинским нормам” не так уж озабочено пунктуально сохранять ленинскую традицию созыва съездов раз в году, и еще менее — традицию политических споров и дебатов, которым тогда предавались. Из всей этой традиции только месяц — март — был сохранен. Но двадцать пятый съезд КПСС открывается не в марте, а 24 февраля, то есть за день (правда, двадцать лет спустя) до доклада на закрытом заседании. В „буржуазном” мире эту символическую дату избрали бы для торжественного празднования юбилея; в мире коммунистическом ее избрали для того, чтобы стереть всякое воспоминание о двадцатом съезде и докладе.

Весной 1956 года Морис Торез на вопрос одного из членов центрального комитета по поводу доклада Хрущева на закрытом заседании двадцатого съезда заметил: „... Ты понимаешь, для меня этот доклад не существует. А скоро будет так, словно он вообще

* Написано в 1976 г. Примечание переводчика.

не существовал” (52). Реакция Тореза — точно такая же, о какой Джорж Орвелл писал в своем романе „1984”: „Однако он уже был *несуществом*. Он больше не существовал, он вообще никогда не существовал”. У Орвелла речь шла о человеческом существе; в данном случае речь идет о документе, но фактически это одно и то же: удастся ли партийному руководству осуществить то, о чем еще в 1956 году мечтал Морис Торез, — превратить доклад Хрущева на закрытом заседании в „*недоклад*”?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Khrushchev Remembers, with an Introduction, Commentary and Notes” by Edward Crankshaw, London 1971, p. 344. В 1979–81 гг. Chaldize Publications (New-York) выпустило „Воспоминания” Никиты Хрущева в двух томах. К сожалению, по сравнению с американским изданием и французским, в нем большое количество пропусков. Поэтому мы даем цитаты из „Воспоминаний” Хрущева в обратном переводе с английского. (Примечание переводчика.)

2. Op. cit. p. 345.

3. Op. cit. p. 347.

4. Op. cit. p. 349. В своем выступлении 27 октября 1961 года на двадцать втором съезде Хрущев заявил, что на двадцатом съезде он сказал своим собеседникам буквально следующее: „Если вы будете против того, чтобы этот вопрос дебатировался, тогда мы обратимся к делегатам съезда и спросим их мнение”.

5. Jacques Duclos, „Mémoires”, vol. IV: 1952–58. Dans la mêlée. Paris, Fayard, 1972, p. 241.

6. Из беседы автора с Эугенио Реале (21 марта 1958 г.).

7. Giorgio Bocca. „Palmiro Togliatti”. Roma 1973, p. 602.

8. Н. С. Хрущев, „Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. „О культе личности и его последствиях” (Госполитиздат, 1959, стр. 60). Как следует из дальнейшего, на самом деле эта брошюра является изданием НТС. (Примечание переводчика.)

9. Светлана Аллилуева. „Только один год”, Нью-Йорк, 1969, стр. 161.

10. S. Voukmanovitch-Tempo, „Révolution en marche”. Mémoires (en serbe), Belgrad 1971, p. 253.

11. Charles Bohlen. „Witness to History”, New-York 1973, pp. 396–98.

12. Reinhard Gehlen. „L’Organisation Gehlen – Mémoires”. Paris, Fayard-Presses de la Cite, 1972, pp. 203–4.

13. Charles Bohlen, op. cit. p. 398.

14. Khrushchev Remembers, op. cit. p. 351.

15. S. Voukmanovich-Tempo, op. cit. p. 255–56.

16. Khrushchev Remembers, op. cit. p. 201.

17. Francois Fejtő. „Histoire des démocraties populaires après Staline”. Paris, Ed. du Seuil 1969, p. 91.

18. Charles Bohlen, op. cit. p. 399.

19. Как следует из письма В. Р. Тейлора, решение опубликовать доклад на закрытом заседании было принято на высшем правительственном уровне.

20. Khrushchev Remembers, op. cit. p. 351.

21. Charles Bohlen, op. cit. p. 400.

22. Ibid. p. 401.

23. См. „Правду” 27.06.1956 г.

24. Двадцатый съезд КПСС. Москва, Госполитиздат, 1956, стр. 498.

25. Louis Fischer. „Russia Revisited”. New-York, 1957, p. 70.

26. Из беседы автора с Эугенио Реале 21 марта 1958 г.

27. „Правда”, 2 июля 1956 года.
28. „L'Humanité”, 19.VI.1956.
29. P. Robrieux, „Torez, vie secrète et vie politique”. Paris, Fayard 1975.
30. „Le Quotidien du peuple”, 5.IV.1956.
31. „Cahiers du communisme” (supplément de janvier, 1957, p. 9, 66 et 251.
„VIII Congrès national du PC chinois).
32. Khrushchev Remembers, op. cit. p. 250–51.
33. „Débats sur la ligne générale du mouvement communiste international”. Pékin 1965, p. 65.
34. Ibid. p. 68.
35. „Daily Worker”, 6.VI.1956.
36. Mao Tse-toung. „Le Grand Livre rouge, écrits, discours et entretiens”, 1949–71. Paris, Flammarion 1975, p. 125.
37. Ibid., p. 32.
38. Bertram D. Wolfe. „Khrushchev and Stalin's Ghost”. New-York 1957, p. 67.
39. Александр Солженицын. „Архипелаг ГУЛаг”, первая и вторая части, стр. 133, ИМКА-Пресс, 1973. Париж.
40. „Литературная газета”, 29 мая 1959 года.
41. Александр Солженицын. „Бодался теленок с дубом”, стр. 19–20, ИМКА-Пресс, 1975. Париж.
42. Рой Медведев. „К суду истории. Генезис и последствия сталинизма”. Нью-Йорк, 1974.
43. Александр Некрич. (фр. издание) „L'Armée rouge assassinée – 22 juin 1941”. Paris, Grasset 1968.
44. Khrushchev Remembers, op. cit. p. 33.
45. Ibid., p. 77.
46. „Партийная жизнь” № 20, октябрь 1967, стр. 55.
47. Напомню, что „Краткая история ВКП (б)”, одним из авторов которой считался Сталин, была издана в СССР тиражом более сорока миллионов экземпляров на сорока семи языках!
48. История Коммунистической партии Советского Союза. Москва, 1960, сс. 584–585.
49. История КПСС, т. IV. Москва, 1971, сс. 509–510.
50. История КПСС. Москва, 1960, сс. 627–628.
51. История КПСС, т. V. Москва, 1970, стр. 143.
52. P. Robrieux, op. cit. p. 466.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. С. ХРУЩЕВ

**ДОКЛАД
НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ
XX СЪЕЗДА КПСС**

«О культе личности и его последствиях»

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И КЛАССИКИ МАРКСИЗМА

Товарищи! В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду и ряде выступлений делегатов съезда, а также ранее, на пленумах ЦК КПСС, уже много говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина, ЦК партии начал постепенно, но настойчиво проводить политику разъяснения того положения, что для марксизма-ленинизма является непозволительным и чуждым особо выделять какое-либо отдельное лицо, превращая его в сверхчеловека, наделенного сверхестественными качествами, приближающими его к божеству. Предполагается, что такой человек все знает, за всех думает, может сделать абсолютно все и является непогрешимым в своих поступках.

Вера в возможность существования такой личности, и, в особенности, такая вера по отношению к Сталину, культивировалась среди нас в течение долгих лет.

Целью настоящего доклада не является тщательная оценка жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина при его жизни уже было написано вполне достаточное количество книг, брошюр и работ. Роль Сталина в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской Социалистической Революции, в Гражданской войне и в борьбе за построение социализма в нашей стране известна во всем мире. Всем это прекрасно известно. Сейчас мы имеем дело с вопросом, который имеет огромное значение для партии не только в настоящий момент, но будет иметь и в будущем. А именно — с вопросом о том, как постоянно рос культ личности Сталина, культ, который стал на определенной стадии своего развития источником целого ряда чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и партийной законности.

Так как еще не вполне достаточно полно осознают практические отрицательные последствия культа личности, а также огромный вред, причиняемый нарушением принципа коллективного руководства партий и сосредоточение огромной, практически неограниченной власти в руках одного человека — ЦК КПСС считает абсолютно необходимым ознакомить XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза с имеющимися в нашем распоряжении и относящимися к данному вопросу материалами.

Разрешите мне, прежде всего, напомнить вам, как строго классики марксизма-ленинизма клеймили всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блюксу Маркс писал: ¹⁾

«Из-за моей антипатии к какой бы то ни было разновидности культа личности, я никогда не придавал гласности, во время существования Интернационала, многочисленные письма, которые я получал из различных стран и в которых особо выделялись мои заслуги, что всегда обижало меня. Я даже никогда не отвечал на них, за исключением тех случаев, когда я хотел отчитать автора подобного письма.

Энгельс и я присоединились к тайному обществу коммунистов при условии, что все содержащиеся в уставе этого общества положения, допускавшие возможность суеверного почитания каких-либо авторитетов, будут исключены из этого документа. Впоследствии, Лассаль поступил совершенно противоположным образом».

Несколько позднее Энгельс писал: ²⁾

«Как Маркс, так и я всегда были против какого-либо публичного проявления культа личности, за исключением тех случаев, когда это было действительно необходимо. И больше всего мы выступали против таких проявлений по отношению к нам самим».

Также хорошо известна чрезвычайная скромность, которой отличался великий гений революции — Владимир Ильич Ленин. Ленин всегда подчеркивал роль масс, как творцов истории, а также направляющую и организующую роль партии, как живого и созидательного организма и роль ее Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционным движением.

Придавая большое значение роли руководителей и организаторов масс, Ленин в то же самое время безжалостно клеймил всякое проявление культа личности, неутомимо сражался с чуждой марксизму теорией о «герое» и «толпе», выступая против всех попыток противопоставить «героя» массам и народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в ее неразрывной связи

¹⁾ К. Маркс — Энгельс, Собрание сочинений, т. XXVI, издание первое, стр. 487—488.

²⁾ Там же, т. XXVII, стр. 385.

³⁾ Ленин, т. XXV, стр. 278.

с массами, в том, что за партией стоит народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция.

«Только тот сможет победить и удержать власть в своих руках, — говорит Ленин, — кто верит в народ, кто окунается в источник вечно живой созидательной деятельности народа».

Ленин с гордостью говорил о коммунистической партии большевиков, как о вожде и учителе народных масс; он постоянно призывал выносить все наиболее важные вопросы на рассмотрение сознательных трудящихся и их партии. Ленин говорил: ³⁾ «Мы верим в это, мы видим в ней мудрость, честь и совесть нашей эпохи».

Ленин всегда категорически выступал против всех попыток, направленных на принижение или же умаление руководящей роли партии в структуре советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является коллективность. Уже в дореволюционные годы, Ленин назвал Центральный Комитет партии коллективом руководителей, а также стражем и толкователем партийных принципов. «Во время между съездами, — указывал Ленин ⁴⁾, — Центральный Комитет охраняет и толкует партийные принципы».

Подчеркивая роль ЦК партии и его значение, Владимир Ильич отмечал: «Наш ЦК представляет собой в высшей степени сплоченный и авторитетный коллектив».

В то время, когда Ленин был жив, ЦК партии являлся действительным воплощением принципа коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непоколебимым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал насильно своих взглядов товарищам по работе. Он всегда пытался убедить, терпеливо разъясняя другим, почему он пришел к тому или иному мнению.

Ленин всегда тщательно следил за тем, чтобы соблюдались нормы партийной жизни, чтобы устав партии действовал на деле, чтобы съезды и пленумы ЦК происходили в должное время.

ЛЕНИН О СТАЛИНЕ

В дополнение к великим заслугам В. И. Ленина, выразившимся в победе рабочего класса и трудящихся масс, в победе нашей партии и в проведении в жизнь идей научного коммунизма, его необычайный ум выразился также и в том, что он во-время заметил в Сталине ряд

⁴⁾ Там же, т. XXXIII, стр. 443.

отрицательных качеств, которые позднее привели к весьма печальным последствиям.

Боясь за будущее партии и Советского Союза, В. И. Ленин дал Сталину абсолютно правильную характеристику, указав при этом на необходимость устранения Сталина с поста Генерального Секретаря. При этом Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он недостойно относится к своим товарищам, что он капризен и злоупотребляет своей властью.

В декабре 1922 года, в письме к партийному съезду, Владимир Ильич писал:

«Став Генеральным Секретарем партии, товарищ Сталин сосредоточил в своих руках опромную власть, и я не уверен в том, что он всегда будет в состоянии использовать эту власть с необходимой осторожностью».

Это письмо — политический документ опромного значения, известный в истории партии как политическое завещание Ленина, — был распределен среди делегатов XX съезда КПСС. Вне всякого сомнения вы его уже неоднократно читали и будете еще перечитывать не один раз. Я прошу вас обратить внимание, в какой форме Владимир Ильич выражал свое волнение о будущности партии, народа, государства, о будущем руководстве партии.

Владимир Ильич говорил:

«Сталин слишком пруб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого поста и замены его другим человеком. Этот человек, прежде всего, должен отличаться от Сталина в основном тем, что он должен обладать большим терпением, большей лойяльностью, большей вежливостью и более внимательным отношением к товарищам, быть менее капризным и т. д.»

Этот документ, оставленный Лениным, был доведен до сведения делегатов XII съезда партии, которые тогда обсуждали вопрос о смещении Сталина с должности Генерального Секретаря. Однако делегаты съезда решили оставить Сталина на посту, надеясь, что Сталин примет во внимание критические замечания Владимира Ильича и будет в состоянии побороть свои отрицательные качества, вызывавшие у Ленина такую серьезную тревогу.

Товарищи! Съезд партии должен быть ознакомлен с двумя новы-

ми документами, которые подтверждают характеристику Сталина, данную ему Лениным в его политическом завещании. Этими документами являются письма Надежды Константиновны Крупской Каменеву, который возглавлял в то время Политбюро, а также личное письмо Ленина к Сталину.

Сейчас я прочитаю вам эти документы.

Письмо Н. К. Крупской:

«Лев Борисович! Из-за короткого письма, которое я написала под диктовку Владимира Ильича с разрешением врачей, Сталин позволил себе совершить вчера по отношению ко мне необычайно грубую выходку. Я не первый день в партии. В течение этих всех тридцати лет я никогда не слышала ни от кого из товарищей единого грубого слова. Дело партии и Ильича является для меня не менее дорогим; чем для Сталина. В настоящее время я нуждаюсь более, чем когда бы то ни было в контроле над собой. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше, чем какой-либо врач, так как я знаю, что его волнует и что нет. Во всяком случае, я знаю это лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию, как к близким товарищам В. И. и прошу вас защитить меня от грубых вмешательств в мою личную жизнь, а также от скверных ругательств и угроз. У меня нет никаких сомнений в том, каким будет единогласное решение Контрольной комиссии, которой Сталину, по всей вероятности, нравится грозить мне. Однако у меня нет ни силы, ни времени, которые мне было бы необходимо затратить в связи с этой ссорой. Кроме того, я живой человек, и сейчас мои нервы напряжены до предела.

Н. Крупская

Надежда Константиновна написала это письмо 23 декабря 1922 года. Два с половиной месяца спустя, в марте 1923 года, Владимир Ильич написал Сталину следующее письмо:

Письмо В. И. Ленина:

«Товарищу Сталину;
Копии: Каменеву и Зиновьеву.
Дорогой товарищ Сталин!

Вы разрешили себе грубо вызвать мою жену к телефону и грубо отчитать ее. Несмотря на тот факт, что она сказала Вам, что она согласна забыть о сказанных Вами словах, тем не менее она рассказала о случившемся Зиновьеву и Каменеву. Я не собираюсь забывать так легко о том, что делается

против меня, и мне кажется, что мне здесь не нужно подчеркивать тот факт, что все, что делается против моей жены, я рассматриваю, как бы если это делалось лично против меня. Поэтому я прошу Вас тщательно взвесить, предпочитаете ли Вы взять Ваши слова обратно и извиниться, или же Вы предпочитаете разрыв между нами взаимоотношений. (*Шум в зале.*)

Искренне Ваш

5 марта 1923 года.

Ленин

Товарищи! Я не буду комментировать этих документов. Они говорят сами за себя. Если Сталин мог вести себя подобным образом при жизни Ленина и в особенности вести себя так по отношению к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знала и высоко ценила, как преданного друга Ленина и активного борца за дело партии с первых дней ее создания — можно легко себе представить, как Сталин относился к другим людям. Эта отрицательная черта Сталина все время неуклонно развивалась и в последние годы его жизни приобрела абсолютно непереносимый характер.

Как показали поздние события, опасения Ленина были обоснованными. В первый период после смерти Ленина, Сталин еще обращал внимание на его (В. И. Ленина) совет, но позднее он начал игнорировать предупреждения, сделанные Владимиром Ильичем.

Когда мы анализируем деятельность Сталина в отношении его руководства партией и страной, когда мы несколько задумываемся над всем тем, что совершил Сталин, мы необходимо должны прийти к убеждению в правоте опасений Ленина. Отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина были только в зачаточном состоянии, в течение последних лет переросли в грубое злоупотребление властью, сосредоточенной в руках Сталина, что причинило нашей партии огромный ущерб.

Мы должны серьезно рассмотреть и проанализировать этот вопрос для того, чтобы мы могли предупредить всякую возможность повторения в какой-либо форме того, что имело место при Сталине, который абсолютно не терпел коллективности в руководстве и в работе и который практиковал грубое насилие не только по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что по мнению его капризного и деспотического характера, казалось, не соответствовало его взглядам.

Сталин действовал не методами убеждения, разъяснения и терпеливого сотрудничества с людьми, а путем насильственного внедрения своих идей и требования безусловного к себе подчинения. Тот, кто выступал против такого положения вещей или же пытался доказать

правоту своих собственных взглядов, был обречен на удаление из числа руководящих работников, на последующее моральное и физическое уничтожение. Такое явление произошло в период времени, последовавший вслед за XVII съездом партии, когда значительное число выдающихся партийных руководителей и рядовых активистов, являвшихся честными и искренними борцами за дело коммунизма, пали жертвой деспотизма Сталина.

Мы должны подтвердить, что партии пришлось вести серьезную борьбу против троцкистов, правых уклонистов и буржуазных националистов, в результате которой она идеологически разоружила всех врагов ленинизма. Эта идеологическая борьба была проведена успешно, в результате чего партия окрепла и закалилась. Здесь Сталин играл положительную роль. Партия вела серьезную политическую борьбу против тех, кто будучи членами партии, проповедывали антиленинские идеи и проводили внутри партии линию, враждебную партии и делу социализма. Это была упорная и трудная, но необходимая борьба, так как политические линии, которые пытались проводить как троцкистско-зиновьевский блок, так и бухаринцы, обе, по сути дела, вели к реставрации капитализма и к капитуляции перед мировой буржуазией. Давайте на минутку рассмотрим, что бы случилось, если бы в 1928—1929 годах верх сдержала политическая линия правых уклонистов или же мы взяли бы ориентацию на «хлопчатобумажную индустриализацию» или на кулаков и т. д. Мы не могли бы иметь сейчас мощной тяжелой индустрии, у нас не было бы колхозов, мы были бы слабыми и безоружными среди капиталистического окружения.

Вот почему партия вела непримиримую идеологическую борьбу и разъясняла всем своим членам и беспартийным массам вред и опасность антиленинских предложений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа разъяснения линии партии принесла свои плоды: как троцкисты, так и правые оппортунисты оказались политически изолированными; подавляющее большинство членов партии поддержало ленинскую линию и партия смогла стимулировать и организовать трудящиеся массы на проведение ленинской партийной линии и построить социализм.

При этом, однако, следует обратить внимание на то, что даже в ходе развития острой идеологической борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других, к ним не применялись суровые репрессивные меры. Борьба велась на идеологической основе. Спустя же несколько лет, когда социализм был в основном построен в нашей стране, когда эксплуататорские классы были в общем ликвидированы, когда социальная структура Советского Союза в корне изменилась, когда отпали социальные основы для возникновения враждебных

партии политических движений, когда идеологические противники партии были уже долгое время до этого политически развиты — тогда против них начались репрессии.

Именно в этот период (1935—37—38 гг.) стала применяться практика массовых репрессий, проводимых при помощи государственного аппарата. Вначале это имело место по отношению к врагам ленинизма — троцкистам, зиновьевцам, бухаринцам, которые задолго до этого были политически разгромлены партией, а затем также и против многих честных коммунистов, против тех партийных кадров, которые вынесли на себе бремя гражданской войны и первые, наиболее тяжелые годы индустриализации и коллективизации, против тех, которые активно боролись против троцкистов и правых уклонистов за ленинскую партийную линию.

«ВРАГИ НАРОДА»

Сталин создал концепцию «врага народа». Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция «враг народа», сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу, даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит всем положениям научной юриспруденции, было «признание» самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие «признания» добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем невиновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партией линию.

Следует отметить, что часто не было никаких серьезных причин для того, чтобы уничтожать физически даже тех лиц, которые в свое время выступали против партийной линии. Для физического уничто-

жения именно таких лиц чаще всего применялась концепция «врага народа».

Является фактом и то, что многие лица, которые были позднее ликвидированы как враги партии и народа, работали с Лениным во время его жизни. Некоторые из них допускали ошибки при жизни Ленина, однако, несмотря на это, Ленин, если он был в общем доволен их работой, поправлял их и делал все возможное, для того, чтобы сохранить их в рядах партии; он убеждал их следовать за собой.

В связи с этим, мне хочется ознакомить делегатов съезда с неопубликованным ранее письмом Ленина к Политбюро ЦК, написанным им в октябре 1920 года. Описывая обязанности Контрольной Комиссии, Ленин говорил, что Комиссия должна быть превращена в действительный «орган партии и пролетарской совести».

«Следует, чтобы Контрольная Комиссия обращала особое внимание на глубокое, индивидуальное изучение случаев так называемой оппозиции, с которыми она имеет дело, а также на методы излечения каждого такого отдельного случая, который может быть вызван таким фактором, как психологический кризис, вызванный неудачами в работе по партийной или же государственной линии. Следует предпринять меры для успокоения таких лиц, разъяснить им суть дела в товарищеской форме, подобрать для них другой пост (избегая при этом приказного порядка), который соответствовал бы их настоящему психологическому состоянию. Инструкции и правила по этому вопросу должны быть выработаны Организационным бюро Центрального Комитета».

Всем известно, насколько Ленин непримиримо относился к идеологическим противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же самое время, однако, как это совершенно ясно видно из приведенного документа, при руководстве партией он требовал самого тщательного изучения партией людей, которые начали проявлять неуверенность или же временное несогласие с партийной линией и которых было возможно вернуть на дорогу партийности. Ленин рекомендовал терпеливо воспитывать таких людей без применения чрезвычайных мер.

Мудрость Ленина, его умение обращаться с людьми совершенно ясно проявились в его работе с партийными кадрами.

Абсолютно противоположные взаимоотношения с людьми были характерны для Сталина. Ленинские приемы были абсолютно чужды Сталину. Терпеливая работа с людьми, их постоянное и тщательное воспитание, способность убеждать людей следовать за собой, применяя

не принуждение, но распространяя на них свое идеологическое влияние при посредстве всего партийного коллектива — все это было незнакомо Сталину. Он отверг ленинские методы убеждения и воспитания; он противопоставил идеологической борьбе методы административного насилия, массовых репрессий и террора. Эти методы применялись им во все больших и больших масштабах и все более и более упрямо при помощи карательных органов, при этом часто нарушались все нормы морали и советского права.

Произвол со стороны одного лица поощряет и разрешает проявление произвола другими лицами. Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, расстрелы без суда и нормального следствия ооздали обстановку, лишённую чувства безопасности и полную страха и даже ужаса.

Это, конечно, не послужило на пользу сплочения партийных кадров и всех слоев трудящихся масс. Наоборот, это повлекло за собой расстрелы и исключения из партии работников, которые лояльно относились к партии, но были неудобны для Сталина.

Наша партия бросилась за проведение в жизнь ленинских планов строительства социализма. Это была идеологическая борьба. Если бы во время этой борьбы соблюдались ленинские принципы, если бы уважение партией этих принципов искусно сочеталось бы с внимательным и заботливым отношением к людям, если бы эти люди не отталкивались и терялись, но привлекались бы на нашу сторону — тогда мы, конечно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, и многие тысячи людей не пали бы жертвой террористических методов. Чрезвычайные меры следовало применять лишь против тех, кто в действительности совершил преступления против советской системы.

ЛЕНИН И ПАРТИЙНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Давайте вспомним несколько исторических фактов.

В дни, предшествовавшие Октябрьской Революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана воссруженного восстания. Более того, 18 октября они опубликовали в меньшевистской газете «Новая Жизнь» заявление, в котором говорилось, что большевики проводят подготовку к вооруженному восстанию, которое они (Каменев и Зиновьев) считают авантюрой. Таким образом, Каменев и Зиновьев раскрыли врагу решение Центрального Комитета относительно восстания, рассказав, что восстание должно произойти через несколько дней.

Это было предательством партии и дела революции. В связи с

этим В. И. Ленин писал: ⁵⁾ «Каменев и Зиновьев предали решение Центрального Комитета своей партии о вооруженном восстании Родзянко и Керенскому...» Ленин поставил перед Центральным Комитетом вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Однако после Великой Октябрьской социалистической революции Зиновьеву и Каменеву, как известно, были предоставлены руководящие должности. Ленин назначил их на посты, где они руководили проведением в жизнь важнейших партийных решений, а также принимали активное участие в руководстве партийными и советскими органами. Известно также, что Зиновьев и Каменев при жизни Ленина совершили целый ряд других, не менее серьезных ошибок. В своем завещании Ленин предупреждал, что «случай с Зиновьевым и Каменевым не был простой случайностью». Однако Ленин не ставил вопрос об их аресте и уже, конечно, о расстреле.

Или обратимся к примеру с троцкистами. В настоящее время, после достаточно продолжительного исторического промежутка времени, мы можем говорить о борьбе с троцкистами абсолютно спокойно и можем проанализировать этот вопрос с достаточной объективностью.

Прежде всего, Троцкий был окружен людьми, социальное происхождение которых ни в коем случае не может быть отнесено к категории буржуазии. Частично это были члены партии из интеллигентов и частично — из выходцев из рабочих. Мы можем назвать много имен тех, кто в свое время поддерживали Троцкого. Однако эти люди принимали активное участие в рабочем движении до революции, во время самой Октябрьской социалистической революции, а также в закреплении победы этой величайшей из революций. Многие из них порвали с троцкистами и вновь примкнули к ленинским позициям. Была ли необходимость ликвидировать этих людей? Мы абсолютно убеждены в том, что если бы Ленин жил, то такие чрезвычайные меры никогда бы не были применены по отношению к этим людям.

Это только несколько исторических фактов. Однако можно ли утверждать, что Ленин не применял более суровые меры к врагам революции, если это было действительно необходимо?

Нет, этого утверждать мы не можем. Владимир Ильич не допускал никаких компромиссов, когда он имел дело с врагами революции и рабочего класса и, когда это было необходимо, применял самые решительные методы. Вспомните только борьбу В. И. Ленина с эсеровцами — организаторами антисоветского восстания, с контрреволюционным движением кулаков в 1918 году и др., когда Ленин безо всякого колебания применял самые суровые меры подавления врагов. Ленин

⁵⁾ В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 214.

прибегал к таким мерам, однако, только против действительных классовых врагов, а не против тех лиц, которые искренне заблуждались и которых можно было, благодаря идеологическому перевоспитанию, не только удержатъ, но также в дальнейшем выдвинуть на руководящие должности.

Ленин применял чрезвычайные меры только в действительно необходимых случаях, в то время, когда еще существовали эксплуататорские классы, отчаянно сопротивлявшиеся революции, когда борьба за существование принимала самые решительные формы, включая гражданскую войну.

Сталин же, с другой стороны, прибегал к чрезвычайным методам и массовым репрессиям в то время, когда революция уже победила, когда советское государство укрепилось, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические взаимоотношения пустили солидные корни во всех отраслях национальной экономики; когда наша партия политически окрепла и продолжала крепнуть как в численном, так и в идеологическом отношении. Является абсолютно ясным, что здесь Сталин, в целом ряде случаев, проявил свое нетерпимое отношение, свою жестокость, злоупотребление властью. Вместо того, чтобы доказать правильность взятой им политической линии, мобилизовать массы, он становился на дорогу репрессий и физической ликвидации не только действительных врагов, но также людей, которые не совершили каких-либо преступлений против партии и советского правительства. В этом нельзя видеть мудрость, это — только проявление грубой силы, что предвидел и чем был так обеспокоен В. И. Ленин.

Позднее, и, в частности, после разоблачения банды Берия, Центральный комитет рассмотрел ряд фальсифицированных этой бандой дел. При этом была вскрыта страшная картина всего произвола, тесно связанного с неправильным поведением Сталина. Факты доказывают, что Сталин, постоянно злоупотребляя своей неограниченной властью, действовал при этом от имени ЦК, не спрашивая при этом мнения не только членов ЦК, но даже и членов Политбюро. Нередко, он не информировал их о лично им принятых решениях, касавшихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов.

Рассматривая вопрос о культе личности, мы должны, прежде всего, показать, какой вред этот культ личности причинил интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим правительством рабочих и крестьян; он видел в этом главную предпосылку для успешного построения социализма в нашей стране. Отмечая огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии советского

государства, Ленин, в то же самое время, призывал к тщательнейшему соблюдению норм партийной жизни, к проведению в жизнь принципов коллективного руководства партией и государством.

КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО

Наличие коллективности руководства необходимо вытекает из самой сущности нашей партии, партии построенной на принципах демократического централизма.

«Это означает, — поворот Ленин⁶⁾, — что все партийные дела решаются всеми членами партии — непосредственно или же через представителей, которые все, без исключения, подчиняются тем же правилам; кроме того, все административные работники, все руководящие товарищи, все занимающие партийные должности — избираются, должны отчитываться за свою деятельность и могут быть отозваны».

Хорошо известно, что сам Ленин всегда подавал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Ни одно более или менее важное дело Ленин не решал сам, не проконсультировавшись и не получив одобрения от большинства членов ЦК или же от большинства членов Политбюро.

В наиболее тяжелый период для нашей партии и для нашей страны Ленин считал необходимым регулярно созывать партийные съезды, конференции и пленумы ЦК, на которых обсуждались все наиболее важные вопросы и принимались резолюции, тщательно выработанные коллективом руководителей.

Можно, например, вспомнить 1918 год, когда стране угрожали нападениями империалистические интервенты. В такой обстановке был созван VII съезд партии для того, чтобы обсудить жизненно важный вопрос, который не мог быть отложен на более позднее время — вопрос о мире. В 1919 году, в самый разгар гражданской войны, VIII съезд партии принял новую программу партии, в которой говорилось о таких важных вопросах, как о взаимоотношениях с крестьянскими массами, об организации Красной Армии, о руководстве партии работой Советов, об исправлении социального состава партии и о других вопросах. В 1920 году был созван IX съезд партии, который заложил основы руководящей роли партии в области экономического строительства. В 1921 году X съезд партии принял решение о напе,

⁶⁾ Собр. соч., т. XI стр. 434.

а также историческую резолюцию «о единстве партии», выработанную Лениным.

При жизни Ленина партийные съезды созывались регулярно, и всегда, когда имели место радикальные сдвиги в развитии партии и страны, Ленин считал абсолютно необходимым, чтобы партия подробно обсуждала все основные дела, касавшиеся внешней и внутренней политики и вопросы партийного и правительственного устройства.

Очень характерно, что в своих последних речах, письмах и замечаниях Ленин обращался к партийному съезду, как к высшему органу партии. В промежутках между съездами, самым авторитетным руководящим коллективом, тщательно соблюдавшим принципы партии и осуществлявшим ее политику, был Центральный Комитет партии.

Так было при жизни Ленина.

Однако продолжали ли соблюдаться священные принципы нашей партии после смерти Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина партийные съезды и пленумы ЦК созывались регулярно, то потом, когда Сталин начал все больше и больше злоупотреблять своей властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Это было особенно очевидно в течение последних 15 лет его жизни. Разве можно считать нормальным положение, что между XVIII и XIX съездами прошло 13 лет, за которые наша партия и страна пережили столько важных событий? Эти события категорически требовали, чтобы партия приняла решения, относящиеся к обороне страны во время Отечественной войны и к строительству мирного времени, начавшемуся после войны.

Но даже и после окончания войны съезд не созывался в течение семи с лишним лет.

Пленарные заседания ЦК почти совсем не проводились. Достаточно упомянуть, что в течение всех лет Отечественной войны не имел места ни один пленум ЦК. Правда была попытка созвать пленум ЦК в октябре 1941 года, когда члены ЦК были созваны со всей страны в Москву. Они ждали два дня открытия пленума ЦК, но напрасно. Сталин не пожелал даже встретиться и поговорить с членами ЦК. Этот факт показывает, насколько Сталин был деморализован в первые месяцы войны и с какой надменностью и пренебрежением он относился к членам ЦК.

На практике Сталин игнорировал нормы партийной жизни и попирали ленинские принципы коллективности руководства партией.

Сталинское своеобразие по отношению к партии и ее Центральному Комитету стало совершенно очевидным после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934 году.

ФАБРИКАЦИЯ ДЕЛ

Имея в своем распоряжении многочисленные данные, доказывающие грубое своеволие по отношению к партийным кадрам, Центральный Комитет создал партийную комиссию под контролем президиума ЦК; ей было поручено расследование причин, сделавших возможным проведение массовых репрессий против большинства членов и кандидатов ЦК, избранных на XVII съезде Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Эта комиссия ознакомилась с большим количеством материалов из архивов НКВД, а также с другими документами, и установила много случаев фабрикации дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих злоупотреблений социалистической законностью, результатом которых была смерть невинных людей. Стало очевидным, что многие партийные, советские и хозяйственные работники, которые были заклеены в 1937—1938 году как «враги», в действительности никогда не были ни врагами, ни шпионами, ни вредителями и т. д., а всегда были честными коммунистами; они были только оклеветаны и, часто, не будучи в состоянии выносить варварских пыток, обвиняли самих себя (по приказу следователей-фальсификаторов) во всех видах самых ужасных и неправдоподобных преступлений. Комиссия представила президиуму ЦК обширные и обоснованные материалы, касающиеся массовых репрессий против делегатов XVII съезда и против членов Центрального Комитета, избранных на этом съезде. Эти материалы были тщательно изучены президиумом Центрального Комитета.

Было установлено, что из 139 членов и кандидатов ЦК партии избранных на XVII съезде, 98 человек, то-есть 70%, были арестованы и расстреляны (большинство в 1937—1938 гг.) (*Возгласы возмущения*).

Каким был состав делегатов XVII съезда? Восемьдесят процентов участников XVII съезда, имевших право решающего голоса, вступили в партию в годы подполья, перед революцией и во время гражданской войны; другими словами, до 1921 года. По социальному происхождению основная масса делегатов съезда были рабочие (60% имевших право решающего голоса).

Только хотя бы поэтому было абсолютно невозможно, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, большинство которого оказалось бы врагами партии. Единственной причиной, почему 70% членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде, были заклеены врагами партии и народа, было то, что честные коммунисты были оклеветаны на основании сфабрикованных против них обвинений, чем была грубо нарушена революционная законность.

Та же судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство

делегатов XVII съезда. Из 1.956 делегатов с правом решающего или совещательного голоса, 1.108 человек были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях, то-есть явно подавляющее большинство. Только сам по себе этот факт, как мы теперь видим, показывает, насколько абсурдными, дикими и противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, выдвинутые против большинства участников XVII партийного съезда. *(Возгласы возмущения.)*

Мы должны вспомнить, что XVII партийный съезд известен в истории, как «съезд победителей». Делегатами съезда были активные участники строительства нашего социалистического государства; многие из них страдали и сражались за интересы партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны; они храбро сражались против врагов и часто бесстрашно смотрели в глаза смерти. Как можем мы поверить, что такие люди в эпоху политической ликвидации зиновьевцев, троцкистов и правых уклонистов, а также после великих завершений социалистическихстроек смогли оказаться «двуличными» и примкнувшими к лагерю врагов социализма?

Все это было результатом злоупотребления властью Сталиным, который начал применять массовый террор против партийных кадров.

В чем же причина, что массовые репрессии против активистов начали принимать все большие и большие размеры после XVII партийного съезда? В том, что в это время Сталин настолько возвысил себя над партией и народом, что перестал считаться и с Центральным Комитетом и с партией. Если до XVII съезда он еще считался с мнением коллектива, то после полной политической ликвидации троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, когда в партии в результате этой борьбы и социалистических побед было достигнуто полное единство, Сталин начал все больше и больше пренебрегать мнением членов ЦК партии и даже членов Политбюро. Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны — это сталисты; со всеми остальными он обходился так, что им только оставалось слушаться и восхвалять его.

После убийства С. М. Кирова начались массовые репрессии и другие акты нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года, по инициативе Сталина (без резолюции Политбюро, — которая последовала, между прочим, два дня спустя), секретарь президиума ЦИК Енукидзе подписал следующее директивное указание:

«1. Следовательским отделам предписывается ускорить дела обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов.

2. Судебным органам предписывается не задерживать

исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР считает получение подобного рода прошений неприемлемым.

3. Органам комиссариата внутренних дел предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров».

Это указание послужило основой для многочисленных случаев злоупотребления против социалистической законности.

В ходе многочисленных сфабрикованных судебных процессов подсудимые обвинялись в «подготовке» террористических актов. Уже только это делало невозможным пересмотр их дел, даже если они заявляли перед судом, что их «признания» были вынуждены силой или если они убедительно доказывали ложность воздвигнутых против них обвинений.

Необходимо заявить, что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова — Николаеву — помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства, Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной «катастрофы», во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова. *(Движение в зале.)*

Массовые репрессии приняли огромные размеры с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова, датированной «Сочи, 25 сентября 1936 года», адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро. Содержание этой телеграммы было следующим:

«Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был бы назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ

отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД».

Строго говоря, мы должны подчеркнуть, что Сталин не встречался с партийными работниками и поэтому не мог знать их мнения.

Сталинская формулировка, что «ОГПУ отстает на четыре года» в применении массовых репрессий и что нужно «наверстать» запущенную работу, толкнула НКВД на путь массовых арестов и казней.

Необходимо отметить, что эта формулировка была также навязана на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Резолюция пленума одобрила ее на основании доклада Ежова об «уроках, вытекающих из вредительской деятельности, диверсий и шпионажа японско-германско-троцкистских агентов».

В резолюции говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что факты, собранные в результате расследования дел антисоветского троцкистского центра и его сторонников в провинции, показывают, что народный комиссариат внутренних дел отстал по крайней мере на четыре года в своей деятельности по разоблачению этих наиболее непримиримых врагов народа».

В это время массовые репрессии происходили под лозунгом борьбы с троцкистами. Но разве троцкисты действительно представляли собой в это время такую опасность для партии и советского государства? Нам следовало бы вспомнить, что в 1927 году, накануне XV партийного съезда, только около 4.000 полюсов было подано за троцкистско-зиновьевскую оппозицию, в то время как за генеральную линию голосовало 724.000. В течение 10 лет, прошедших с XV партийного съезда до февральско-мартовского пленума ЦК, троцкизм был полностью обезоружен; многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали в различных отраслях, строя социализм. Ясно, что в условиях победы социализма, не было никакого основания для проведения массового террора в стране.

Доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году «О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и других двурушников» содержал попытку теоретического обоснования политики массового террора под предлогом, что поскольку мы идем навстречу социализму, классовая борьба должна обостряться. Сталин уверял, что так учил история и Ленин.

В действительности Ленин учил, что применение революционной силы обуславливается необходимостью при сопротивлении эксплуа-

таторских классов; причем это относилось к той эпохе, когда эксплуататорские классы существовали и обладали силой. Но как только политическое положение страны улучшилось, когда в январе 1920 года Красная армия взяла Ростов и, таким образом, одержала одну из важнейших побед — победу над Деникинским, — то Ленин дал указание Дзержинскому прекратить массовый террор и отменить смертную казнь. В своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, Ленин мотивировал этот важный политический шаг следующим образом: ¹⁾

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда мировые державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом. Это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов, когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле».

Сталин уклонился от этих ясных и простых предписаний Ленина. Сталин заставил партию и НКВД пользоваться массовым террором, когда не было больше признаков эксплуататорских классов в нашей стране и когда не было никаких серьезных причин для применения чрезвычайных массовых методов.

Этот террор был в действительности направлен не на остатки побежденных эксплуататорских классов, а против честных работников партии и советского государства; против них создавались лживые клеветнические и абсурдные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «саботаже», подготовке фиктивных нелегальных «покушений» и так далее.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году многие члены действительно сомневались в правильности принятого курса в отношении репрессий под предлогом борьбы с «двурушничеством». Товарищ Постышев очень удачно выразил эти сомнения. Он сказал:

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXX, стр. 303—304.

«Я размышлял: суровые годы борьбы прошли, члены партии, отошедшие от основной партийной линии и примкнувшие к стану врагов — разбиты; за партию боролось здоровые элементы. Это были годы индустриализации, коллективизации. Я никогда не считал возможным, чтобы после такой суровой эпохи могло случиться, чтобы Карпов и ему подобные люди очутились в стане врагов. (Карпов был работником ЦК КП(б)У и Постышев хорошо знал его). А теперь, согласно свидетельствам, выходит, что Карпов был завербован в 1934 году троцкистами».

Я лично не верю, что в 1934 году честный член партии, прошедший долгий путь неуклонной борьбы против врагов за партию и социализм, оказался бы в лагере врагов. Я не верю этому... Я не могу представить себе, как было возможно идти с партией в течение тяжелых лет и потом, в 1934 году, примкнуть к троцкистам. Это странно. (*Движение в зале*).

Пользуясь сталинской формулировкой, а именно, что чем ближе мы к социализму, тем больше у нас врагов, и пользуясь резолюцией февральско-мартовского пленума ЦК на основе доклада Ежова, провокаторы, которые проникли в органы государственной безопасности вместе с бессовестными карьеристами, стали прикрываться именем партии при проведении террора против партийных кадров, кадров советского государства и рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 году, по сравнению с 1936 годом, больше, чем в десять раз.

Известно, что грубая несправедливость практиковалась против ведущих партийных работников. Партийный устав, одобренный XVII съездом партии, основывался на ленинских принципах, выраженных на X партийном съезде, и устанавливал, что для того, чтобы применить к члену ЦК ВКП(б), кандидату ЦК ВКП(б) и члену партийной контрольной комиссии такую чрезвычайную меру, как исключение из партии, — необходимо созвать пленум ЦК, на который должны быть приглашены все кандидаты в ЦК и все члены партийной контрольной комиссии; только если две трети членов такой генеральной ассамблеи ответственных партийных работников найдут это необходимым — только тогда «кандидат в члены ЦК может быть исключен». Большинство членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде и арестованных в 1937—38 годах, были вышвырнуты из партии в результате незаконного и грубого злоупотребления положениями партийного устава, так как вопрос об их исключении никогда не рассматривался пленумом ЦК.

Теперь, когда некоторые случаи так называемых «шпионов» и «саботажников» были расследованы, было установлено, что все эти дела были сфабрикованы. Признания в вине многих арестованных по обвинению во враждебной деятельности были получены путем жестоких и бесчеловечных пыток.

В то же время Сталин, как нам было сообщено членами Политбюро того времени, не показывал им заявлений многих обвиняемых партийных активистов, когда они, перед военным трибуналом, брали свои признания назад и просили об объективном рассмотрении их дел. Таких заявлений было много, и Сталин, без сомнения, знал о них.

Центральный Комитет считает необходимым сообщить съезду о многих подобных сфабрикованных «делах» против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером злостной провокации, возмутительной фальсификации и преступного нарушения революционной законности является дело бывшего кандидата в Политбюро, одного из виднейших работников партии и советского правительства, товарища Эйхе, члена партии с 1905 года. (*Волнение в зале*).

Товарищ Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года, на основании клеветнических материалов, без санкции прокурора СССР, которая была в конце-концов получена только 15 месяцев спустя после ареста.

Расследование дела Эйхе происходило при самом грубейшем нарушении советской законности и сопровождалось преднамеренной фальсификацией.

Эйхе был вынужден под пыткой подписать заранее заготовленный следователями протокол его признания, в котором он и некоторые другие видные партийные работники обвинялись в антисоветской деятельности.

1 октября 1939 года Эйхе послал заявление Сталину, в котором он категорически отрицал свою вину и просил расследования своего дела. В этом заявлении он писал:

«Нет худшего несчастья, чем сидеть в тюрьме правительства, за которое я всегда боролся».

Сохранилось и второе заявление Эйхе, которое он писал Сталину 27 октября 1939 года; в нем он приводит факты, очень убедительно опровергающие клеветнические обвинения, выдвинутые против него, доказывая, что, с одной стороны, это провокаторское обвинение было делом рук действительных троцкистов, аресты которых он санкционировал в качестве первого секретаря партийного комитета Западно-Сибирского края и которые составили заговор с целью отомстить ему; с другой стороны, это обвинение явилось результатом фальсификации материалов следственными работниками.

В своем заявлении Эйхе писал: ⁸⁾

«... 25 октября этого года мне сообщили, что следствие по моему делу закончено. Меня ознакомили с материалами этого следствия. Если бы я был виновен хотя бы в сотой доле тех преступлений, в которых меня обвиняли, я никогда не посмел бы посылать вам это предсмертное заявление; но я не виновен ни в одном из этих преступлений, в моем сердце нет ни тени низости. Я еще никогда не лгал вам и теперь, стоя одной ногой в могиле, я тоже ни лгу. Все мое дело — это типичный пример провокации, клеветы и нарушения основ революционной законности...

... Те признания, которые составляют часть моего «дела», не только абсурдны, но, кроме того, содержат в себе клевету на Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров, так как настоящие резолюции ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров, которые составлялись не по моей инициативе и без моего участия, представлены как враждебные акты антиреволюционных организаций, составленные по моей инициативе...

«Я перехожу теперь к самой унижительной поре моей жизни — к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Эта вина — мое признание в контрреволюционной деятельности... Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым подвергали меня Ушаков и Николасев особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль — меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием).

Большая часть моего признания была подсказана или прямо продиктована Ушаковым, а остальное — это воспроизведенные мною материалы, собранные НКВД в Западной Сибири, за которые я взял на себя полную ответственность. Если в той легенде, которую сфабриковал Ушаков и которую я подписал, что-либо не совпадало, меня вынуждали подписывать новые варианты этой легенды. Так же поступили и с Рухимовичем, которого сначала наметили членом запасной сети и имя которого потом просто вычеркнули, не сказав мне даже об этом. Так же поступили с руководителем запасной сети, будто бы созданной Бухариным в 1935 году.

... Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоб-

⁸⁾ Дело Эйхе, т. 1.

лачить всю ту гнусную провокацию, которая, как змея, обволокла теперь столько людей из-за моей слабости и преступной клеветы. Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что либну из-за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня».

Казалось бы такое важное заявление заслуживало внимания ЦК и должно было бы быть им рассмотрено. Однако этого не произошло. Заявление было передано Берии, а страшные мучения товарища Эйхе, кандидата Политбюро, продолжались.

2 февраля 1940 года Эйхе судили. На суде он не признал за собой никакой вины. Он сказал следующее:⁹⁾

«Во всех моих так называемых признаниях нет ни слова правды; подписи, которые я поставил под этими признаниями, — вымучены. Я сделал признание под давлением следователя, который со времени моего ареста все время подвергал меня пыткам. После этих пыток я стал писать вся эту бессмыслицу... Для меня важнее сказать здесь суду, партии и Сталину, что я невиновен. Я никогда не был виновен в каком-либо заговоре. Я умру, веря в правильность политики партии, как я верил в нее в течение всей моей жизни».

4 февраля Эйхе был расстрелян. (*Возмущение в зале.*) Теперь точно установлено, что дело Эйхе было сфабриковано, он был по-смертно реабилитирован.

Рудзутака, кандидат Политбюро, член партии с 1905 года, человек, который провел 10 лет на царской каторге, категорически отказался перед судом от вынужденного от него признания. В протоколе сессии Военной Коллегии Верховного Суда есть следующее заявление Рудзутака:

«... Единственная просьба, с которой он обращается к суду, это сообщить ЦК ВКП(б), что в НКВД есть еще не ликвидированный Центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершили; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных, не замешанных ни в чем людей, не говоря уже о тех, кто уже обвинен».

Он просит суд разрешить ему сообщить об этом ЦК ВКП(б)

⁹⁾ Там же.

в письменной форме. Он заверяет суд, что он лично никогда не имел никаких враждебных намерений по отношению к политике нашей партии, потому что всегда был согласен с партийной линией во всех областях экономического и культурного строительства».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, несмотря на то, что Рудзук был в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана в соответствии с ленинской мыслью о необходимости борьбы за единство партии. Так погиб руководитель высоко авторитетного партийного органа; он стал жертвой грубого произвола; его даже не вызвали на заседание Политбюро, потому что Сталин не хотел говорить с ним. В течение двадцати минут был вынесен приговор и Рудзук был расстрелян. (*Возмущение в зале.*) После тщательного рассмотрения дела в 1955 году было установлено, что обвинения против Рудзутака были неверны и основаны на клеветническом материале. Рудзук был посмертно реабилитирован.

Каким образом бывшие работники НКВД фабриковали мнимые «антисветские центры» и «блоки», пользуясь провокационными методами, видно из признания товарища Розенблюма, члена партии с 1906 года, который в 1937 году был арестован ленинградским НКВД.

При рассмотрении дела Комарова в 1955 году, Розенблюм раскрыл следующий факт: когда Розенблюм был арестован в 1937 году, его подвергли страшным пыткам и заставили подтвердить неверные сведения о себе самом и других лицах. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, чтобы на суде он сделал сфабрикованное в 1937 году НКВД признание относительно «террористического центра саботажа, шпионажа и диверсии в Ленинграде». (*Движение в зале.*) С невероятным цинизмом Заковский описал пнусный «механизм», при помощи которого фабриковались вымышленные «антисоветские заговоры».

«Чтобы показать мне этот механизм, — сообщил Розенблюм, — Заковский описал мне несколько возможных вариантов организации такого центра и его отделений.

Подробно описав мне такую организацию, Заковский сказал мне, что НКВД заготовит дело для этого центра, и добавил, что суд будет открытым.

Судили 4 или 5 членов этого центра: Чудова, Угарова, Смородина, Позерна, Шапошникову (жену Чудова) и других, а также 2 или 3 членов отделений этого центра...

«... дело ленинградского центра должно быть составлено

солидно и поэтому нужны показания свидетелей. При этом социальное происхождение (конечно, в прошлом) и положение свидетелей в партии будут играть немалую роль.

Вам самому, — сказал Заковский, — не придется ничего выдумывать. НКВД заготовит для вас готовое описание каждого отделения центра. Вам нужно будет тщательно изучить его и помнить все вопросы и ответы, с которыми вам придется иметь дело во время суда. Дело это будет готово месяца через четыре, через пять, может через полгода. Все это время вы должны будете готовиться, чтобы не скомпрометировать следователя и себя. Ваша будущая участь зависит от того, как пройдет суд и каковы будут его результаты. Если вы начнете заворачиваться и давать неверные показания — пеняйте на себя. Если вы выдержите это испытание, вы спасете свою жизнь и мы будем кормить вас и одевать до самой вашей смерти».

Вот какие гнусные вещи происходили тогда. *(Движение в зале.)*

Еще чаще фальсификация имела место на периферии. Отдел НКВД по Свердловской области «открыл» так называемый «уральский штаб восстания — орган блока троцкистов, правых уклонистов, эсэров и ювлященников». Его мнимым руководителем был назван секретарь свердловского областного комитета партии, член ЦК ВКП(б) Кабаков, член партии с 1914 года. Материалы следствия, проведенного в то время, показывают, что почти во всех краях, областях и республиках будто бы существовали шпионско-террористические и диверсионно-саботажные организации и центры правых и троцкистов и что во главе таких организаций, как правило, по непонятным причинам, стояли первые секретари областных, краевых и республиканских партийных комитетов. *(Движение в зале.)*

Тысячи честных и невинных коммунистов погибли вследствие чудовищных фальсификаций таких «дел», вследствие того, что принимались всевозможные клеветнические обвинения и что применялись такие следственные методы, которые вынуждали у обвиняемых «признания» против них самих и против других. Так же были «сфабрикованы» и «дела» против видных партийных и государственных деятелей: Коссиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других.

В эти годы проводились в массовых размерах репрессии, которые не были основаны ни на каких конкретных фактах и в результате которых партия понесла большие потери в партийных кадрах.

НКВД стало применять преступный метод заготовления списков лиц, дела которых попадали под юрисдикцию коллегий Военных Трибуналов. При этом приговоры заготавливались заранее. Ежов обычно посылал эти списки лично Сталину, который утверждал пред-

ложенную меру наказания. В 1937—38 году Сталину было направлено 383 таких списка с именами тысяч работников партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Он утверждал эти списки.

Большая часть этих дел теперь пересматривается и большая часть их была уже аннулирована потому, что они были сфабрикованы и не имели под собой никаких оснований. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военная Коллегия Верховного Суда реабилитировала 7.679 человек, и что многие из них были реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных и военных работников причинили опромный вред нашей стране и делу социалистического строительства.

Массовые репрессии имели отрицательное влияние на морально-политическое состояние партии, создали атмосферу неуверенности, содействовали распространению нездоровой подозрительности, посеяли недоверие среди коммунистов по отношению друг к другу. Это способствовало появлению всякого рода клеветников и карьеристов.

Резолюция январского пленума ЦК ВКП(б) (1938 года) внесла некоторое улучшение в партийные организации. Однако массовые репрессии продолжались и в 1938 году.

Только потому, что наша партия обладала такой опромной морально-политической силой, она смогла пережить тяжелые испытания 1937—1938 годов, смогла пережить их и воспитать новые кадры. Не может, однако, быть никакого сомнения в том, что наше продвижение вперед к социализму и к подготовке обороны страны, было бы гораздо успешнее, если бы мы не понесли такие опромные потери в кадрах, в результате ничем не оправданных репрессий в 1937—1938 гг.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОР

Мы совершенно правы, обвиняя Ежова в низких методах 1937 года. Но нужно дать ответ на вопрос: мог ли Ежов арестовать, например, Коссиора без ведома Сталина? Были ли в Политбюро обмен мнений или решение по этому вопросу? Нет, не было, как не было их и в других случаях такого же рода. Мог ли Ежов сам решать такие вопросы, как судьба таких выдающихся партийцев? Нет, было бы наивно считать, что это было дело одного Ежова. Совершенно ясно, что эти вопросы решал Сталин и что без его приказаний и его одобрения Ежов этого сделать не мог.

Мы рассмотрели и реабилитировали Коссиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. По каким причинам они были арестованы

и приговорены к расстрелу? Пересмотренные материалы показывают, что причин для этого не было. Они, как и многие другие, были арестованы без ведома прокуратуры. При таком положении не было нужды в чьей-либо санкции; да и о каких санкциях могла идти речь, когда все решал Сталин. Он сам был Главным Прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, он сам, по своей инициативе, давал распоряжения об аресте. Мы должны говорить об этом, чтобы делегаты съезда ясно поняли положение и смогли сами сделать выводы.

Факты подтверждают, что много произвола было совершено по приказанию Сталина; совершенно не учитывались нормы партийной и советской законности. Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: «почему ты сегодня не смотришь прямо?» или «почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?» Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Вскладу и везде он видел «врагов», «лицемеров» и «шпионов».

Обладая неограниченной властью, он допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей.

Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю.

Если Сталин говорил, что того или иного человека следует арестовать, то необходимо было принимать на веру, что это лицо является «врагом народа», и члены шайки Берия, которая стояла во главе организации государственной безопасности, превосходили в этом самих себя, доказывая виновность арестованных и правдивость фальсифицированных материалов.

А какие при этом прилагались доказательства? «Признания» обвиняемых. И следователи принимали эти «признания». Но как могло получиться, что люди признавались в преступлениях, которых они вовсе не совершали? Только одним путем — применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного терять сознание, способность мыслить, заставляли его забывать свое человеческое достоинство. Так получались эти «признания».

Когда в 1939 году волна массовых арестов стала спадать, когда руководители партийных органов с периферии стали обвинять работников НКВД в том, что к арестованным применялись методы физического воздействия, — Сталин 20 января 1939 года отправил шифрованную телеграмму секретарям областных и краевых комитетов, ЦК коммунистических партий республик, народным комиссарам внутренних дел и руководителям органов НКВД.

В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б) ... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и при том применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод».

Этим Сталин, от имени ЦК ВКП(б), санкционировал самое грубое нарушение социалистической законности; санкционировал пытки и насилие, что, как мы видели, привело к клевете и самообвинениям невинных людей.

Не так давно — за несколько дней до съезда — мы вызвали на заседание президиума ЦК и спросили следователя Родоса, который в свое время расследовал дела и допрашивал Коссиора, Чубаря и Косарева. Родос — пустая личность, с куриными мозгами, совершенно разложившийся морально человек. И такой человек решал судьбу выдающихся партийных активистов! Он судил и об их политической линии, так как, установив наличие «преступлений», якобы совершенных с их стороны, он этим давал материал, на основании которого могли делаться выводы политического характера.

Встает вопрос: мог ли такой человек сам вести следствие подобными методами, чтобы доказать виновность Коссиора и других. Нет, он не мог делать это без соответствующих директив. На заседании Президиума ЦК Родос сказал нам:

«Мне было сказано, что Коссиор и Чубарь враги народа и поэтому я, как следователь, должен был заставить их признаться, что они враги (народа)». (*Возмущение в зале.*)

Он мог добиться таких признаний, только применяя длительные пытки, что он и делал, получая подробные инструкции от Берия. Я должен сказать, что на заседании президиума ЦК он цинично заявил: «Я думал, что выполняю указание партии».

Так проводились на практике приказы Сталина о применении к арестованным методов физического воздействия.

Эти и многие другие факты показывают, что нарушались все нормы правильного партийного разрешения вопросов; все зависело от произвола одного человека.

СТАЛИН И ВОЙНА

Сосредоточение власти в руках одного человека — Сталина привело к серьезным последствиям во время великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, фильмы и исторические «научные труды», то, согласно им, роль Сталина в Отечественной войне является совершенно невероятной. Сталин якобы предвидел все. Советская армия на основе стратегического плана, разработанного задолго до того Сталиным, применила тактику так называемой «активной обороны», т. е. тактику, которая дала немцам возможность дойти до Москвы и Сталинграда. Применяя такую тактику, Советская армия, будто бы только благодаря гению Сталина, перешла в наступление и сломала врага. Историческая победа, которой добились вооруженные силы советской страны, которой добился наш героический народ, в таких романах, фильмах и «научных трудах» целиком приписывается стратегическому гению Сталина.

Мы должны внимательно проанализировать этот вопрос потому, что он имеет огромное значение не только с исторической, но и с политическо-воспитательной и практической точек зрения.

Каковы были факты на самом деле? До войны вся наша печать и вся наша политическо-воспитательная работа отличалась своим хвастливым тоном: если враг вступит на овлаченную советскую землю, то на каждый удар врага мы ответим тройным ударом, мы будем бить врага на его территории и выиграем войну без больших потерь. Но эти декларативные заявления не основывались на конкретных фактах, которые действительно гарантировали бы неприкосновенность наших границ.

Во время и после войны Сталин выдвинул тезис, что та трагедия, которую перенес наш народ в первый период войны, была результатом «неожиданного» нападения немцев на Советский Союз. Но, товарищи, это совсем неверно. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он поставил себе задачу уничтожить коммунизм. Фашисты открыто поворили об этом, не скрывая своих планов. Чтобы добиться этой агрессивной цели, они создавали всяческие пакты и блоки. Например, пресловутую ось Берлин-Рим-Токио. Многие факты из довоенного периода ясно показывают, что Гитлер готовился во всю, чтобы начать войну против Советского государства и что он сосредо-

точил у советских границ крупные воинские, в том числе танковые соединения.

Теперь опубликованы документы, из которых видно, что уже 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса предупреждал лично Сталина о том, что немцы начали перегруппировку своих вооруженных сил с целью нападения на Советский Союз.

Само собой разумеется, что Черчилль делал это вовсе не из дружеских чувств к советскому народу. Он делал это в своих империалистических целях — привести Германию и СССР к кровавой войне между собой и этим укрепить положение Британской империи.

Но все же Черчилль утверждает в своих мемуарах, что он пытался «предупредить Сталина и обратить его внимание на прозящую опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это в своих телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако Сталин не обратил никакого внимания на эти предупреждения. Более того, Сталин отдал распоряжение не обращать внимания на подобную информацию, чтобы не спровоцировать начала военных действий.

Мы должны заявить, что информация о готовящемся вооруженном нападении Германии на Советский Союз поступала также из наших собственных военных и дипломатических источников: однако, так как руководство было настроено против информации подобного рода, то ее отправляли с чувством опасения и оценивали в ней положение весьма сдержанно.

Так, например, в сообщении, посланном из Берлина 6 мая 1941 года советским военным атташе капитаном Воронцовым, говорилось следующее:

«Советский гражданин Бозер... сообщил заместителю военно-морского атташе, что, согласно полученным им от одного немецкого офицера, работающего в личной ставке Гитлера, сведениям, 14 мая Германия готовится напасть на Советский Союз со стороны Финляндии, Прибалтийских стран и Латвии. Одновременно будут произведены массированные воздушные налеты на Москву и Ленинград, а также произведены десанты на пограничные города...»

22 мая 1941 года заместитель военного атташе в Берлине — Хлопов сообщил в своем докладе, что «... наступление германской армии назначено на 15 июня, однако возможно, что оно произойдет в первых днях июня...»

В телеграмме от нашего посольства в Лондоне, датированной 18 июня 1941 года, говорилось:

«Криппс тлубоко убежден в неизбежности вооруженного конфликта между Германией и СССР, который начнется не позднее середины июня. Согласно Криппсу, немцы уже сконцентрировали 147 дивизий (включая военно-воздушные силы и вспомогательные части) вдоль советских границ...»

Несмотря на эти исключительно серьезные предупреждения, необходимые шаги не были предприняты для соответствующей подготовки нашей страны к обороне и для предотвращения неожиданного нападения на нее.

Имели ли мы время и возможности для такой подготовки? Да, мы имели их. Наша промышленность была достаточно развита для того, чтобы снабдить советскую армию всем, в чем она нуждалась. Это ясно доказывает тот факт, что, хотя в первые годы войны мы потеряли почти половину нашей промышленности, а также важные промышленные и сельскохозяйственные области в результате вражеской оккупации Украины, Северного Кавказа и других Западных районов страны, советское государство все же смогло организовать производство вооружения в восточных районах, установив там оборудование, вывезенное из западных промышленных районов, и снабдить нашу армию всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была во-время и соответственным образом мобилизована для работы на нужды армии, наши потери во время войны были бы гораздо меньше. Однако такая мобилизация не была начата во-время. И уже в первые дни войны стало ясным, что наша армия была плохо вооружена, что нам не хватало артиллерии, танков и самолетов для того, чтобы отбросить врага.

Советская наука и техника создали замечательные образцы танков и артиллерийских орудий еще до начала войны. Однако массовое производство этих видов вооружения не было своевременно организовано и, фактически, мы начали обновлять наше вооружение только накануне войны. В результате ко времени нападения врага на советскую землю у нас не было ни старого оборудования, которое больше не использовалось в оборонной промышленности, ни нового, которое мы только собирались установить на военных заводах. В особенности плохо обстояло дело с артиллерией; не было также налажено производство противотанковых боеприпасов. Выяснилось, что многие укрепленные районы оказались небоеспособными, так как старые виды вооружения были изъяты, а новое оружие еще не получено.

К сожалению это относилось не только к танкам, артиллерии и самолетам. К началу войны мы даже не имели достаточного количества винтовок для того, чтобы вооружить мобилизованную

живую силу. Я помню, как в те дни я позвонил товарищу Маленкову из Киева и сказал ему: «Имеется много добровольцев, которые хотят вступить в армию и требуют оружие. Вы должны дать нам оружие».

Маленков ответил мне: «Мы не можем дать вам оружие. Мы посылаем все винтовки в Ленинград, и вы должны вооружаться сами». *(Движение в зале.)*

Такое было положение с вооружением.

В связи с этим нельзя забыть, например, следующий факт. Незадолго до нападения гитлеровской армии на Советский Союз, Кирпосов, который был в то время командующим Киевского особого военного округа (позднее он был убит на фронте), писал Сталину, что немецкие армии стоят на Буге и что, по всей вероятности, они в самом ближайшем будущем перейдут в наступление. В соответствии с этим Кирпосов предлагал создать мощную оборону, эвакуировать около 800.000 человек из пограничных районов, а также построить ряд оборонительных узлов, в том числе противотанковые рвы, окопы и т. п.

На это Москва ответила, что проведение таких мероприятий явилось бы провокацией, что не следует начинать каких-либо подготовительных оборонных работ вдоль границ, чтоб не дать немцам никакого повода для открытия военных действий. В результате наши границы оказались недостаточно подготовленными для отражения нападения врага.

Когда фашистские армии действительно вторглись на советскую территорию и военные действия начались, Москва опдала приказ не открывать ответного огня. Почему? Потому что Сталин, несмотря на очевидные факты, думал, что война еще не началась, что все это было провокационным действием со стороны нескольких недисциплинированных частей немецкой армии и что наши ответные действия могли бы послужить основанием для немцев начать войну.

Известен также следующий факт. Накануне вторжения гитлеровской армии на территорию Советского Союза один немецкий прапорщик перешел границу и заявил, что немецкие армии получили приказ начать военные действия против Советского Союза в ночь на 21 июня, в 3 часа. Об этом немедленно было сообщено Сталину, однако, и на это он не обратил никакого внимания.

Как вы видите игнорировались все предупреждения некоторых военачальников, сообщения перебежчиков из вражеской армии и даже открытые враждебные действия противника. Может ли это служить примером бдительности главы партии и государства в такой особенно значительный исторический момент?

Каковы же были результаты этого беззаботного отношения, этого игнорирования совершенно ясных фактов? Результат был таков, что

уже в первые же часы и дни войны враг уничтожил в наших пограничных областях большую часть наших военно-воздушных сил, артиллерии и другого всенного снаряжения; он ликвидировал значительное количество наших воинских кадров и дезорганизовал наше военное руководство. В результате всего этого, мы не смогли предотвратить продвижения противника вглубь страны.

Очень прискорбные последствия, особенно в начале войны, были вызваны ликвидацией Сталиным многих лиц из числа командного состава армии и политических работников в 1937—41 годах, из-за его подозрительности и благодаря клеветническим обвинениям. В эти годы репрессиям были подвергнуты определенные слои военных кадров, начиная, буквально, с командиров рот и батальонов и кончая руководителями высших воинских соединений. В это время были почти полностью ликвидированы руководящие армейские кадры, которые приобрели военный опыт в Испании и на Дальнем Востоке.

Проводившаяся в широком масштабе политика репрессий против военных кадров привела также к подрыву воинской дисциплины, так как в течение нескольких лет офицерам всех званий и даже солдатам, состоящим в партийных и комсомольских организациях, внушалась необходимость «разоблачать» своих начальников, как тайных врагов. *(Движение в зале.)* Вполне естественно, что это отрицательно повлияло на состояние воинской дисциплины в первый период войны.

Как вы знаете, до войны мы имели превосходные военные кадры, которые были безусловно преданы партии и родине. Достаточно сказать, что те из них, которым удалось выжить, несмотря на суровые пытки, которым они подвергались в тюрьмах, с первых же дней войны проявили себя настоящими патриотами и героически сражались во славу родины. Я имею ввиду таких товарищей, как Рокоссовский (который — как вы знаете — был арестован и сидел в тюрьме), Горбатов, Мерецков (который является делегатом настоящего съезда), Подлас (замечательный командир, погибший на фронте), и многие, многие другие. Однако много подобных командиров погибло в лагерях и тюрьмах, и армия их больше так и не увидела.

Все это привело к ситуации, существовавшей в начале войны, которая представляла собой опростую угрозу нашей родине.

Было бы неправильным забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда».

После этого, в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо

немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте.

Поэтому прозную опасность, нависшую над нашей родиной в первый период войны, следует отнести, главным образом, за счет неправильных методов руководства Сталиным государством и партией.

Однако мы говорим не только о моменте начала войны, который привел к серьезной дезорганизации нашей армии и причинил нам тяжелые потери. Даже после начала войны нервозность и истеричность, проявленные Сталиным, вмешательство в руководство военными действиями причинили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был далек от понимания развивавшихся на фронте действительных событий. И это понятно, если учесть, что в течение всей Отечественной войны он ни разу не посетил ни одного участка фронта, ни один освобожденный город, за исключением краткой поездки по Можайскому шоссе, когда на фронте создавалось устойчивое положение. Этому случаю были посвящены многие литературные труды, полные всевозможных выдумок, и множество картин.

Одновременно Сталин вмешивался в проведение операций и издавал приказы, которые не учитывали действительного положения на данном участке фронта и которые не могли привести ни к чему иному, как к огромным людским потерям.

В связи с этим я разрешу себе привести один характерный факт, демонстрирующий, как Сталин руководил операциями на фронте. На этом съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время руководил разработкой операций в штабе Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я вам скажу.

Когда в 1942 году, в районе Харькова, создавалось чрезвычайно серьезное положение для нашей армии, мы правильно решили не проводить операции, целью которой было окружение Харькова, так как действительная обстановка была в то время такова, что продолжение проведения этой операции грозило бы нашей армии гибельными последствиями.

Мы сообщили об этом Сталину, утверждая, что создавшееся положение требовало пересмотра оперативных планов, чтобы не дарь врагу возможности ликвидировать значительное сосредоточение наших войск.

Вопреки здравому смыслу, Сталин отверг наше предложение и издал приказ о продолжении операции по окружению Харькова, несмотря на то, что к этому времени многие сосредоточения наших войск сами находились под угрозой окружения и уничтожения.

Я позвонил Василевскому и подпросил его:

«Александр Михайлович, возьми карту (Василевский присутствует здесь) и покажи товарищу Сталину создавшееся положение».

Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе (*Оживление в зале*). Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта. Я указал тов. Василевскому: «Покажи ему положение на карте; в данной обстановке мы не можем продолжать задуманную операцию. Старое решение должно быть изменено для пользы дела».

Василевский ответил мне, что Сталин уже изучил этот вопрос и что он, Василевский, отказывается говорить еще раз по этому поводу со Сталиным, так как последний не хочет никаких споров по поводу этой операции.

После моего разговора с Василевским я позвонил Сталину на его дачу. Однако Сталин не ответил на звонок, и к телефону подошел Маленков. Я сказал товарищу Маленкову, что я звоню с фронта и хотел бы поговорить со Сталиным лично. Сталин сообщил мне через Маленкова, что я должен говорить с Маленковым. Я заявил вторично, что я хочу сообщить лично Сталину об опасном положении, создавшемся для нас на фронте. Однако Сталин не считал нужным взять трубку и снова заявил, что мне следует разговаривать с ним через Маленкова, хотя в то время он находился в нескольких шагах от телефона.

После того как Сталин «выслушал» таким образом нашу просьбу, он сказал: «Оставить все так же, как есть!»

И что же произошло в результате этого? Чего мы и ожидали. Немцы окружили скопления наших войск и в результате мы потеряли сотни тысяч наших солдат. Вот пример военного «гения» Сталина; вот чего он нам стоил! (*Движение в зале*.)

Однажды после окончания войны, во время встречи Сталина с членами Политбюро, Анастас Иванович Микоян заметил, что Хрущев был, вероятно, прав, когда он звонил насчет харьковской операции, и что напрасно его предложение не было принято.

Вы бы посмотрели, в какое бешенство пришел Сталин! Как можно было только допустить, что он, Сталин был не прав! Ведь он — «гений», а гений неправ быть не может! Каждый может ошибаться, но Сталин считал, что он никогда не совершал ошибок, что он всегда был прав. Он никогда не признавался кому-нибудь, что он совершил какую-либо ошибку, большую или маленькую, несмотря на то, что он допустил целый ряд ошибок, как в теоретических вопросах, так и в практической деятельности. После окончания этого съезда мы, по всей вероятности, должны будем переоценить многие военные операции и представить их в истинном свете.

Тактика, на проведении которой настаивал Сталин, не зная основ руководства боевыми операциями, стоила нам много крови, пока,

наконец, нам не удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военным известно, что уже к концу 1941 года Сталин, вместо проведения крупных оперативных маневров, с помощью которых, обойдя противника с флангов, можно было прорваться ему в тыл, требовал непрерывных лобовых атак и захвата одного населенного пункта за другим. Эта тактика стоила нам больших потерь, пока нашим генералам, на плечах которых лежала вся тяжесть ведения войны не удалось изменить положение, перейдя к более гибким маневренным операциям, что немедленно привело к серьезным и положительным для нас изменениям на фронте.

Тем более постыден тот факт, что после нашей великой победы над врагом, которая стоила нам так много жертв, Сталин начал снижать многих командиров, способствовавших победе над врагом, так как он исключал всякую возможность того, что заслуги на фронте могли бы быть приписаны кому-либо другому, кроме как ему самому.

Сталин был очень заинтересован в оценке товарища Жукова как военного руководителя. Он часто спрашивал меня, какого я мнения о Жукове. Я ему тогда сказал: «Я знаю Жукова давно. Он хороший генерал и хороший военачальник».

После войны Сталин начал говорить всякую чепуху о Жукове, и, между прочим следующее: «Вы хвалили Жукова, но он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руку землю, нюхал ее и говорил: «Мы можем начинать наступление» или же наоборот: «Задуманная операция не может быть проведена». Я ему тогда ответил: «Товарищ Сталин, я не знаю, кто это выдумал, но это неправда».

Возможно, что Сталин сам выдумывал такие вещи, чтобы умалить роль и военные способности маршала Жукова.

В связи с этим, Сталин очень энергично популяризировал себя, как великого полководца; самыми различными путями он старался привить народу мысль, что все победы, одержанные советской страной во время великой Отечественной войны, были одержаны благодаря смелости, храбрости и гениальности Сталина и никого более. Точно так же, как Кузьма Крючков, он насаживал на пьесту по семь человек. *(Движение в зале.)*

Возьмем, например, наши исторические и военные фильмы, а также некоторые литературные произведения; от них становится тошно. Их истинной целью является развитие темы восхваления Сталина, как военного гения. Вспомним фильм «Падение Берлина». В нем действует только Сталин; он отдает приказы в зале, где много пустых стульев и только один человек подходит к нему и что-то докладывает — это Поскребышев, его верный оруженосец. *(Смех в зале.)*

Где же военное командование? Где Политбюро? Где правительство? Что они делают и чем они занимаются? Об этом в фильме ничего нет. Сталин действует за всех; он не считается ни с кем, не спрашивает совета ни у кого. Все представлено народу в этом фальшивом свете. Почему? Для того, чтобы окружить Сталина славой, вопреки фактам и исторической правде.

Встаёт вопрос: Где же были военные, на плечах которых лежала вся тяжесть войны? Их в фильме нет; Сталин не оставил для них места.

Не Сталин, но вся партия в целом, советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые руководители и храбрые солдаты, весь советский народ — вот те, кто обеспечил победу в великой Отечественной войне. (*Бурные и продолжительные аплодисменты.*)

Члены Центрального Комитета, министры, руководители нашей экономики, передовые люди советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — все они на своих постах щедро отдавали свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм был проявлен основным ядром — овеяны славой наш славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций преодолели несказанные военные трудности, отдали все свои силы делу защиты родины.

Великие и славные подвиги были совершены во время войны нашими советскими женщинами, которые вынесли на себе тяжелое бремя производственной работы на заводах, в колхозах, а также в различных отраслях экономики и культуры; многие женщины принимали непосредственное участие в великой Отечественной войне, на фронтах; наша смелая молодежь внесла неоценимый вклад как на фронте, так и в тылу в дело обороны советской родины, в дело уничтожения врага.

Бессмертны заслуги советских солдат, наших командиров и политработников всех званий. После значительных потерь, которые понесла наша армия в первые месяцы войны, они не потеряли головы и сумели провести реорганизацию в ходе военных действий; они создали и закаляли в ходе войны сильную и героическую армию и не только отразили нажим сильного и коварного противника, но и разгромили его.

Огромные и героические подвиги сотен миллионов народов Востока и Запада во время борьбы против угрозы фашистского порабощения, которая висела над нами, будут жить в веках и тысячелетиях в памяти благодарного человечества. (*Бурные аплодисменты.*)

Главная роль и главная заслуга в победоносном окончании войны

принадлежит нашей коммунистической партии, вооруженным силам Советского Союза и десяткам миллионам людей, воспитанным партией. *(Бурные и продолжительные аплодисменты.)*

ГЕНОЦИД И ТЕРРОР

Товарищи, позвольте перейти теперь к некоторым другим фактам. Советский Союз справедливо считается примером многонационального государства, потому что мы на практике обеспечили равенство и дружбу всех народов, живущих на нашей великой родине.

Тем более поэтому чудовищны акты, инициатором которых был Сталин, и которые являются грубым нарушением основных ленинских принципов национальной политики советского государства. Мы имеем в виду массовую высылку из родных мест целых народов, вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений: эта высылка не была продиктована никакими военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда постоянные прорывы на фронтах великой Отечественной войны определили ее исход в пользу Советского Союза, было принято и проведено решение относительно высылки всех карачаевцев с земель, на которых они жили.

В тот же самый период, в конце декабря 1943 года, такая же судьба постигла все население Калмыцкой Автономной республики.

В марте 1944 года были полностью высланы чеченский и ингушский народы, а Чечено-Ингушская Автономная Республика была ликвидирована.

В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской Автономной Республики были высланы в отдаленные места все балкары, а сама республика была переименована в Кабардинскую Автономную Республику.

Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе он их тоже сослал бы. *(Смех и оживление в зале.)*

Не только марксист-ленинец, но и просто ни один здравомыслящий человек не поймет, как можно обвинять в изменнической деятельности целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев; как можно применять против них массовые репрессии, обрекать их на бедствия и страдания за враждебные акты отдельных лиц или групп.

После окончания Отечественной войны, советская страна с гордостью отметила замечательные победы, одержанные ценой великих жертв и огромных усилий. Страна переживала период политического

энтузиазма. Партия вышла из войны еще более сплоченной; в огне войны партийные кадры закалялись и окрепли. При таком положении ни у кого не могло быть и мысли о возможности каких-либо заговоров в партии.

И именно в это время появилось на свет так называемое «Ленинградское дело». Как мы теперь доказали, это дело было сфабриковано. В числе ликвидированных ни в чем неповинных товарищей были Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Как известно, Вознесенский и Кузнецов были талантливыми и выдающимися руководителями. Когда-то юни были очень близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин назначил Вознесенского первым заместителем председателя Совета министров, а Кузнецов был избран секретарем ЦК. Уж сам факт, что Сталин поручил Кузнецову руководство органами государственной безопасности, доказывает, каким доверием он пользовался.

Как могло случиться, что они были объявлены врагами народа и ликвидированы?

Факты доказывают, что «Ленинградское дело» было одним из проявлений Сталинского произвола над партийными кадрами.

Если бы в ЦК партии и в Политбюро существовало нормальное положение, дела такого рода были бы рассмотрены там в соответствии с партийной практикой и все факты, относящиеся к делу, оценены. В результате, это дело, так же как и ему подобные, не возникло бы.

Нужно сказать, что после войны положение еще более осложнилось. Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестоким; в особенности возросла его подозрительность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры. Многие работники станвились в его глазах врагами. После войны Сталин еще более оторвался от коллектива. Он все решал один, не обращал внимания ни на кого и ни на что.

Эта невероятная подозрительность была умно использована никим провокатором и подлым врагом — Берия, который убил тысячи коммунистов и преданных советских людей. Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия. Как мы сейчас доказали, именно Берия «предложил» Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками сфабрикует материалы в форме заявлений и анонимных писем, а также в форме различных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии пересмотрел так называемое «Ленинградское дело»; невинно пострадавшие реабилитированы и честь славной Ленинградской партийной организации восстановлена. Абакумов и другие, сфабриковавшие это дело, предстали перед судом; суд состоялся в Ленинграде, и все они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему мы только теперь видим, в чем суть

этого дела, почему мы не сделали ничего раньше, при жизни Сталина, чтобы предотвратить гибель невинных людей? Потому что Сталин лично наблюдал за «Ленинградским делом», а большинство членов Политбюро в это время не знали всех обстоятельств этого дела и не могли поэтому вмешаться.

Когда Сталин получил от Берия и Абакумова материалы, он, не пересмотрев эти клеветнические материалы, приказал прекратить дальнейшее расследование «дела» Вознесенского и Кузнецова. Это решило их судьбу.

Очень показательны также в этом отношении дело мингрельской националистической организации, якобы существовавшей в Грузии. Как известно, ЦК КПСС вынес резолюции, касающиеся этого дела, в ноябре 1951 и в марте 1952 гг. Эти резолюции были вынесены без предварительных обсуждений в Политбюро. Они были лично продиктованы Сталиным и содержали тяжкие обвинения против многих преданных коммунистов. На основе подложных документов было доказано, что в Грузии якобы существовала националистическая организация, целью которой была ликвидация советской власти в республике с помощью империалистических держав.

В связи с этим в Грузии был арестован ряд партийных и советских работников. Позднее было доказано, что это было клеветой, направленной против партийной организации Грузии.

Нам известно, что как в Грузии, так и в некоторых других республиках временами вспыхивали проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос: возможно ли, что в то время, когда были вынесены вышеназванные решения, националистические тенденции возросли до такой степени, что создалась опасность выхода Грузии из Советского Союза и ее присоединения к Турции? (*Оживление в зале, смех.*)

Все это, конечно, ерунда. Совершенно исключено, что такие предположения могли бы кому-нибудь придти в голову. Всем известно, как Грузия развилась экономически и культурно при советском строе.

Промышленная продукция Грузинской Республики возросла по сравнению с дореволюционной в 27 раз. Много новых отраслей промышленности возникло в Грузии, которые не существовали там до революции: сталелитейная, нефтяная промышленность, машиностроение и т. д. Давно ликвидирована безграмотность, которая в дореволюционной Грузии охватывала 78% населения.

Могли ли грузины, сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся масс в Турции, стремиться присоединиться к Турции? В 1955 году производство стали на душу населения в Грузии было в 18 раз больше, чем в Турции. Грузия производит в 9 раз больше электроэнергии на душу населения, чем

Турция. Согласно данным переписи населения 1950 года, 65 процентов всего населения Турции безграмотно, а среди женщин число безграмотных достигает 80 процентов. Грузия имеет 19 высших учебных заведений, в которых обучается 39 тысяч студентов, то-есть в 8 раз больше чем в Турции (на каждую тысячу человек населения). Благо-осостояние трудящихся Грузии необычайно возросло при советском строе.

Ясно, что по мере того как возрастают экономика и культура, а также социалистическое сознание трудящихся масс Грузии, источник, из которого буржуазный национализм черпает свои силы, испаряется.

Как это выяснилось, никаких националистических организаций в Грузии не было. Тысячи невинных людей пали жертвой самодурства и беззакония. Все это случилось под «гениальным» руководством Сталина, «великого сына грузинского народа», как грузины любили говорить о Сталине.

КОНФЛИКТ С ЮГОСЛАВИЕЙ

Самодурство Сталина проявлялось не только в решениях, относящихся к внутренней жизни страны, но также и в международных отношениях Советского Союза.

Июльский пленум Центрального Комитета детально изучил причины развития конфликта с Югославией. Сталин в этом играл постыдную роль. «Югославское дело» не содержало никаких проблем, которые не могли бы быть разрешены при помощи партийной дискуссии среди товарищей. Не было какого-либо значительного основания для развития этого «дела»: было вполне возможно предотвратить разрыв отношений с этой страной. Это не значит, однако, что руководители Югославии не делали ошибок или же не имели недостатков. Но эти ошибки и недостатки были преувеличены Сталиным до чудовищных размеров, что привело к разрыву отношений с дружеской страной.

Я вспоминаю первые дни, когда конфликт между Советским Союзом и Югославией начал искусственно раздуваться. Однажды, когда я прибыл из Киева в Москву, я был приглашен к Сталину, который, указывая на копию письма, недавно посланного Тито, спросил меня: «Вы это читали?» Не ожидая моего ответа, он сказал: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет».

Нам пришлось дорого расплачиваться за это «шевеление мизинцем». В этом заявлении выразилась сталинская мания величия, но он всегда действовал именно так: «Стоит мне пошевелить мизинцем —

и не станет Коссиора»; «Стоит мне пошевелить мизинцем еще раз — и исчезнут Вознесенский, Кузнецов и многие другие».

Однако этого не случилось с Тито. Как Сталин ни тряс не только мизинцем, но и всем остальным, чем он мог трясти, Тито не пал. Почему? Причина заключалась в том, что в этом случае разногласий с югославскими товарищами, Тито имел за собой государство и народ, прошедший тяжелую школу борьбы за свободу и независимость, народ, который поддерживал своих руководителей.

Вы видите, к чему приводила мания величия Сталина: он полностью потерял ощущение действительности; он проявлял свои подозрительность и высокомерие не только по отношению к отдельным лицам в СССР, но также и по отношению к целым партиям и народам.

Мы тщательно изучили случай с Югославией и нашли правильное решение, которое получило одобрение народов Советского Союза и Югославии, так же как и трудящихся масс всех стран народной демократии и всего прогрессивного человечества. Ликвидация ненормальных взаимоотношений с Югославией была произведена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

ТЕРРОР

Давайте также вспомним «Дело врачей-вредителей». (*Оживление в зале.*) На самом деле не было никакого «дела», кроме заявления женщины-врача Тимошук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать Сталину письмо, в котором она заявляла, что врачи якобы применяли недопустимые методы.

Для Сталина было достаточно такого письма, чтобы прийти к немедленному заключению, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители... Он дал указание арестовать группу видных советских медицинских специалистов. Он лично посоветовал, как следует вести следствие и какие методы следует применять при допросах арестованных. Он сказал, что академика Виноградова следует заковать в кандалы, а другого следует избить. На этом съезде присутствует, в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко заявил: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову». (*Возмущение в зале.*)

Сталин лично вызвал к себе следователя, дал ему указания, рекомендовал ему методы, которые следовало применять при ведении следствия. Эти методы были просты: бить, бить и еще раз бить.

Вскоре после ареста врачей, мы — члены Политбюро — получили

протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине. После того как Сталин раздал эти протоколы, он сказал нам: «Вы слепы, как новорожденные котятка; что будет без меня? Страна погибнет, потому что вы не умеете распознавать врагов».

Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых основано следствие. Не было возможности попытаться проверить факты, связавшись с теми, кто признался в вине.

Мы чувствовали, однако, что дело арестованных врачей было сомнительным. Мы лично знали некоторых из этих людей, так как в свое время они нас лечили. Когда мы пересмотрели это «дело» после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца.

Это позорное «дело» было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако довести его до конца (так, как он себе представлял этот конец) и по этой причине врачи еще живы. Теперь все они реабилитированы. Они работают на тех же местах, на которых работали раньше. Они лечат высших работников, не исключая членов правительства; они пользуются нашим полным доверием; и они честно исполняют свои обязанности так же, как они это делали раньше.

БЕРИЯ

В организации различных грязных и позорных дел гнуснейшую роль играл ярый враг нашей партии, агент иностранной разведки — Берия, который втерся в доверие Сталина. Каким образом этот провокатор получил такое положение в партии и государстве, так что он стал первым заместителем председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот негодяй поднялся по ступеням правительственной лестницы через бесчисленное число трупов.

Имелись ли какие-либо данные о том, что Берия был врагом партии? Да, имелись. Уже в 1937 году, на одном из пленумов ЦК, бывший народный комиссар здравоохранения Каминский сказал, что Берия работал на мусаватскую разведку. Однако едва пленум ЦК успел окончиться, как Каминский был арестован и расстрелян.

Рассмотрел ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил в Берию, и этого для него было достаточно. А когда Сталин верил в кого-либо или чему-нибудь, никто не смел сказать ни слова, противоречащего его мнению: каждого, кто посмел бы выразить свое несогласие, постигла бы та же судьба, что и Каминского.

Были еще и другие признаки. Интересно заявление, сделанное товарищем Снеговым в ЦК партии (кстати, он также был недавно реабилитирован — после семнадцати лет заключения в лагерях). В этом заявлении Снегов пишет:

«В связи с предлагаемой реабилитацией бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева, я вручил представителю Комитета Государственной Безопасности *подробное показание*, касающееся роли Берия в решении дела Картвелишвили и относительно тех преступных мотивов, которыми руководствовался Берия. По моему мнению, абсолютно необходимо вспомнить один важный факт, относящийся к этому делу и сообщить о нем Центральному Комитету, так как я не считал целесообразным включить его в следственные документы.

30 октября 1931 года, на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) Картвелишвили, секретарь Закавказского Краевого Комитета, сделал доклад. Присутствовали все члены краевого исполкома; из них один я остался в живых. Во время этого заседания И. В. Сталин в конце своей речи внес предложение, касающееся организации секретариата Закавказского Краевого Комитета, которое заключалось в следующем: Первый секретарь — Картвелишвили; второй секретарь — Берия (тогда впервые в истории партии имя Берия было упомянуто, как кандидата на партийную должность). Картвелишвили ответил, что он хорошо знает Берия, и по этой причине категорически отказывается работать с ним. Сталин предложил оставить этот вопрос открытым и разрешить его в процессе самой работы. Два дня спустя пришло решение, согласно которому Берия получал партийную должность, а Картвелишвили должен был быть выслан из Закавказья».

Этот факт может быть подтвержден товарищами Микояном и Кагановичем которые присутствовали на этом заседании.

Старая вражда между Картвелишвили и Берия была хорошо известна; эта вражда началась еще тогда, когда товарищ Серго работал в Закавказье; Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Эта вражда побудила Берия сфабриковать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что в этом «деле» Картвелишвили обвинялся в террористическом акте против Берия.

В приговоре по делу Берия содержится содержание его преступлений. Но некоторые вещи следует напомнить особенно, потому что, возможно не все делегаты Съезда читали этот документ. Я хочу напомнить вам о зверском решении, принятом Берия по делам Кедрова,

Голубева и приемной матери Голубева — Батуриной — лиц, которые хотели сообщить Центральному Комитету об изменнической деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был вынесен уже после их казни.

Вот что старый коммунист, товарищ Кедров, писал Центральному Комитету через товарища Андреева (товарищ Андреев был в то время секретарем Центрального Комитета):

«Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры ледоротовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

«Я страдаю без всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-provocateur царской охранки; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я не виновен и в других преступлениях перед партией и правительством. Я — старый незапятнанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Сегодня, мне, шестидесяти двух-летнему старику, следователи прозят еще более суровыми, жестокими и унижительными методами физического воздействия. Они — следователи — не способны понять свою ошибку и признать, что их поступки (в моем деле) незаконны и недопустимы. Они пытаются оправдать свои действия, рисуя меня закоренелым и ожесточенным врагом и требуют все новых, более жестоких пыток. Но пусть партия знает, что я невиновен и что нет такой силы, которая могла бы превратить верного сына партии в ее врага, до его последнего дыхания. У меня нет выхода. Я не могу отвратить от себя грозящие мне новые и еще более сильные удары.

Но все имеет свои пределы. Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме, заклеянным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняют мое сердце. Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! — восклицаю я. Ни партия, ни советское правительство, ни Народный Комиссар Л. П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокой-

ного объективного разбирательства моего дела, без прубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток — было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю».

Военная Коллегия нашла, что старый большевик, товарищ Кедров, был невиновен. Но несмотря на это, он был расстрелян по приказу Берия. *(возмущение в зале.)*

Берия также жестоко расправился с семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе пытался помешать Берия осуществить его гнусные планы. Берия убирал со своего пути всех, кто мог бы ему помешать. Орджоникидзе всегда был противником Берия и говорил об этом Сталину. Но вместо того, чтобы разобраться в этом вопросе и принять соответствующие меры, Сталин допустил ликвидацию брата Орджоникидзе и довел самого Орджоникидзе до такого состояния, что он был вынужден застрелиться. *(Возмущение в зале.)* Таков был Берия.

Вскоре после смерти Сталина Центральный Комитет разоблачил Берия. Было проведено особо тщательное судебное расследование его деятельности, которое показало, что Берия совершал чудовищные преступления, и Берия был расстрелян.

Возникает вопрос, почему Берия, который ликвидировал десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был разоблачен раньше потому, что он очень ловко использовал слабости Сталина: разжигая его подозрительность, он во всем помогал Сталину и действовал при его поддержке.

«КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ»

Товарищи!

Куль личности принял такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин, применяя все возможные методы, поддерживал прославление своей собственной личности. Это подтверждается многочисленными фактами. Одним из наиболее характерных примеров самопрославления Сталина и отсутствия у него самого элементарного чувства скромности, может служить его «Краткая биография», которая была напечатана в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой отвратительной лести, она — пример того, как человека делают божеством, рисуют его, как непогрешимого мудреца, «величайшего вождя», «лучшего стратега всех времен и народов». В конце концов просто не хватало слов, чтобы превозносить Сталина до небес.

Нет нужды приводить здесь примеры того отвратительного идо­лопоклонства, которыми полна эта книга. Достаточно указать, что все эти выражения были одобрены и отредактированы самим Сталиным, а некоторые даже дописаны его рукой на корректуре книги.

Что, по мнению Сталина, должно быть существенным в этой книге? Желал ли он умиротвить пыл тех льстецов, которые составляли его «Краткую биографию»? Нет! Он отмечал те самые места, в которых, по его мнению, восхваление его заслуг было недостаточным.

Вот несколько примеров, которые характеризуют эти подтравки, сделанные рукой Сталина:

«В этой борьбе с маловеерами и капитулянтами, троцкиста­ми и зиновьевцами, бухаринцами и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя, то руководящее ядро нашей партии . . . , которое отстаивало великое знамя Лени­на, сплотивило партию вокруг заветов Ленина и вывело совет­ский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин».

Так пишет сам Сталин! А затем он добавляет:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда бывало, чтобы вождь так сам себя хвалил? Достоин ли это вождя марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Это также всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В первоначальном тексте книги была следующая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Но Сталину это предложение показалось слишком слабым, поэтому своей рукой он изменил так: «Сталин — достойный преемник дела Ленина или, как говорят у нас в пар­тии: Сталин — это Ленин сегодня». Вы видите как хорошо это сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести много примеров таких самопохвал, вписанных в первоначальный текст этой книги рукой Сталина. Особенно щедр был он на похвалы, которые относились к его военному гению, к его стратегическому таланту.

Я приведу еще одну вставку, сделанную Сталиным, относительно военного гения Сталина:

«Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». *(Движение в зале.)*

Дальше Сталин пишет:

«Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их в сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так Сталин восхвалял себя как стратега. Кто делал все это? Сам Сталин, но не как стратег, а как автор-редактор, один из главных создателей этой полной самовосхваления биографии.

Таковы факты товарищи. Следует, пожалуй, сказать, — позорные факты...

И еще один факт из той же самой «Краткой биографии» Сталина. Как известно, «Краткий курс истории ВКП(б)» был написан комиссией Центрального Комитета партии.

Эта книга, кстати сказать, также проникнутая культом личности, была написана выделенной для этой работы группой авторов. Это обстоятельство было отражено на корректуре «Краткой биографии Сталина» следующим образом:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б), под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии, разработала «Краткий курс истории ВКП(б)».

Но и эта фраза не удовлетворила Сталина; она была дополнена следующей фразой в окончательном тексте «Краткой биографии»:

«В 1938 году вышла в свет книга: «Краткий курс истории ВКП(б)», написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией Центрального Комитета ВКП(б)».

Нужно ли к этому еще что-либо добавить? *(Оживление в зале.)*

Как видите поразительная метаморфоза превратила труд, созданный группой людей, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошла эта метаморфоза.

Невольно напрашивается вопрос: если автором этой книги был Сталин, то почему ему нужно было так восхвалять личность Сталина и превращать весь послеоктябрьский исторический период нашей славной коммунистической партии в дело одного только «сталинского гения»?

Отражала ли эта книга правильно усилия партии в деле социалистического преобразования страны, в строительстве социалистического общества, в индустриализации и коллективизации страны, а также другие мероприятия партии, которая неуклонно следовала по пути, начертанному Лениным? Эта книга говорит главным образом о Сталине, об его речах, об его докладах. Все, без малейшего исключения, было связано с его именем.

И когда сам Сталин утверждает, что он сам написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это вызывает, по меньшей мере, изумление. Может ли марксист-ленинец так писать о самом себе, превознося собственную личность до небес?

Или возьмем вопрос о сталинских премиях. (*Движение в зале.*) Даже цари не юздавали премий, которых они называли своим именем.

Сталин признал самым лучшим тот текст государственного гимна Советского Союза, в котором нет ни слова о коммунистической партии; зато в самом лексте есть такая беспримерная фраза о Сталине:

«Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих словах гимна вся воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана Сталину. Это, конечно, явное отклонение от марксизма-ленинизма, явное унижение и преуменьшение роли партии. Сообщаю для вашего сведения, что Президиум Центрального Комитета уже вынес решение относительно составления нового текста гимна, который отразил бы роль народа и роль партии. (*Громкие, продолжительные аплодисменты.*)

А разве многие из крупнейших заводов и городов были названы именем Сталина без его ведома? Были ли памятники Сталину сооружены по всей стране тоже без его ведома — эти памятники живому человеку? Остается фактом, что Сталин сам подписал 2 июля 1951 года резолюцию Совета Министров СССР о сооружении на канале Волга-Дон внушительного памятника Сталину; 4 сентября того же года он отдал распоряжение об отливке 33 тонн меди для сооружения этого гигантского памятника. Каждый, кто побывал в районе Сталинграда, не мог не увидеть опромную статую, которая там строилась,

при том на том месте, где почти никогда никто не бывает. Огромные средства были затрачены на эту статую, в то время как население этого района с самой войны жило в землянках. Подумайте сами — прав ли был Сталин, когда он писал в своей биографии, что «... он не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования?»

И в то же время Сталин проявил свое неуважение к памяти Ленина. Не случайно, что несмотря на принятое тридцать лет назад решение построить Дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, этот дворец не был построен, его строительство все время откладывалось, и о проекте постепенно стали забывать.

Нельзя не вспомнить о решении советского правительства от 14 августа 1925 года относительно учреждения ленинских премий за воспитательную работу». Эта резолюция была опубликована в печати, но до сегодняшнего дня ленинских премий нет. Это тоже следует исправить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я упомянул, приводя факты, например, из «Краткой биографии Сталина» — все события освещались так, будто Ленин играл второстепенную роль, даже во время Октябрьской социалистической революции. Во многих фильмах и литературных трудах фигура Ленина была показана неверно и недопустимо принижена.

Сталин любил смотреть фильм «Незабываемый 1919», в котором он был изображен стоя на подножке бронепоезда и где он буквально побеждает врага своей шашкой. Пусть наш дорогой друг, Климентий Ефремович, найдет в себе достаточно мужества и напишет правду о Сталине; ведь он знает, как на самом деле сражался Сталин. Товарищу Ворошилову будет трудно это сделать, но было бы хорошо, если бы он все-таки это сделал. Все одобряли бы это, как народ, так и партия. Даже его внуки были бы ему благодарны. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Когда говорилось о событиях Октябрьской революции и гражданской войны, то создавалось впечатление, что Сталин всегда играл главную роль, как будто всюду и всегда Сталин подсказывал Ленину, что и как нужно делать. Но это клевета на Ленина. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Я вряд ли погрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь слышали и знали очень мало о Сталине до 1924 года, в то время как Ленина знали все — его знала вся партия, весь народ, от детей до седобородых стариков. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Все это следует тщательно пересмотреть, чтобы история, литера-

тура и искусство правильно отразили роль Владимира Ильича Ленина и великие дела нашей коммунистической партии и советского народа — этого творческого народа. (*Аплодисменты.*)

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ВРЕД

Товарищи! Культ личности привел к применению неверных принципов в партийной работе и в экономической деятельности; он принес с собой грубое нарушение внутрипартийной и советской демократии, бесплодное администрирование, всякого рода уклонения, скрытие недостатков и прикрасивание действительности. В нашем народе появилось много льстецов и специалистов по очковтирательству и обману.

Мы не должны забывать, что из-за многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных деятелей, многие трудящиеся стали работать неуверенно, проявляли чрезмерную осторожность, стали бояться всяких новшеств, бояться своей собственной тени и проявлять меньше инициативы в своей работе.

Возьмем, например, партийные и советские резолюции. Их заготавливали по шаблону, часто совершенно не учитывая конкретного положения. Дело доходило до того, что партийные работники даже на небольших совещаниях читали свои речи. Все это создавало опасность сделать партийную и советскую работу формальной и бюрократизировать весь аппарат.

Нежелание Сталина считаться с действительной жизнью и тот факт, что он не знал настоящего положения на местах, доказывается тем, как он руководил сельским хозяйством. Все те, кто хоть сколько-нибудь интересовались положением в стране, видели трудное положение сельского хозяйства, но Сталин этого никогда не замечал. Говорили ли мы Сталину об этом? Да, мы говорили, но он нас не поддерживал. Почему? Потому, что Сталин нигде не выезжал, он не встречался с рабочими и колхозниками, он не знал настоящего положения на периферии.

Он знал страну и сельское хозяйство только по кинокартинам. А эти картины приукрашивали положение в сельском хозяйстве.

Многие кинокартины изображали колхозную жизнь так, будто столы ломались под тяжестью индюшек и гусей. Очевидно, Сталин думал, что это в действительности так и было.

Владимир Ильич Ленин смотрел на жизнь иначе; он всегда был близок к народу; он принимал крестьянских ходяков, часто выступал на заводских собраниях; он выезжал в деревню и беседовал с крестьянами.

Сталин оторвался от народа и никогда никуда не выезжал. Так продолжалось десятки лет. Последний раз Сталин был на селе, когда в январе 1928 года он ездил в Сибирь в связи с хлебозаготовками. Как же он мог знать положение на периферии?

Однажды, во время дискуссии ему сказали, что наше положение в деревне затруднительно и что особенно плохо дело обстоит с животноводством и продукцией мяса. Была создана комиссия, которой было поручено составить резолюцию относительно «Мероприятий для дальнейшего развития животноводства в колхозах и совхозах». Мы разработали этот проект.

Конечно, в то время наши предложения не содержали всех возможностей, но мы наметили пути, чтобы поднять животноводство в колхозах и совхозах. Мы предлагали тогда поднять цены на продукты животноводства, чтобы создать для работников колхозов, МТС и совхозов материальную заинтересованность в развитии животноводства. Но наш проект не был принят, и в феврале 1953 года он был окончательно отвергнут.

Мало того, рассматривая этот проект, Сталин предложил повысить на 40 миллиардов рублей налоги, которые платили колхозы и колхозники; по его мнению, крестьяне жили зажиточно и отдельному колхознику достаточно продать одну лишнюю курицу, чтобы заплатить целиком весь свой налог.

Только представьте себе, что это все значило. Сорок миллиардов рублей — это такая сумма, которую колхозники не получали за свою продукцию, проданную государству. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили 26.280 миллионов рублей за всю продукцию, которую они сдали и продали государству.

Основывал ли Сталин свое мнение на каких-либо конкретных данных? Конечно, нет.

В таких случаях факты и цифры его не интересовали. Если Сталин говорил что-нибудь — значит это должно было быть так, ведь он был «гением», а гению подоказывать не нужно, ему достаточно только взглянуть и он может сказать, как это должно быть. Когда он высказывает свое мнение, все должны повторять за ним это мнение и восхищаться его мудростью.

Но была ли какая-нибудь мудрость в его предложении повысить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Никакой, абсолютно никакой, потому, что это предложение основывалось не на учете и оценке действительного положения, а на фантастической идее человека, оторвавшегося от действительности. Теперь мы начинаем медленно выходить из затруднительного положения, создавшегося в сельском хозяйстве. Доклады делегатов XX съезда нас всех удовлетворили; мы рады, что выступило много делегатов, рады, что

уже есть условия для выполнения шестого пятилетнего плана по животноводству не в течение пятилетнего периода, а в течение двух или трех лет. Мы уверены, что задания нового пятилетнего плана будут успешно выполнены. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Товарищи!

Если сегодня мы резко критикуем культ личности, получивший такое широкое развитие при жизни Сталина, если мы говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим культом, который так чужд духу марксизма-ленинизма, некоторые могут спросить: как это могло быть?

Сталин возглавлял партию и страну на протяжении тридцати лет, и многие победы были одержаны при его жизни. Можем ли мы это отрицать?

Я считаю, что ставить вопрос в такой форме могут только те, кто ослеплены и безнадежно загнипнотизированы культом личности, только те, кто не понимают самой сущности революции и советского государства, только те, кто не понимает, по-ленински, роли партии и народа в развитии общества.

Социалистическая революция была осуществлена рабочим классом и крестьянами-бедняками, при частичной поддержке крестьян-середняков. Она была осуществлена народом под руководством партии большевиков. Великая заслуга Ленина заключается в том, что он создал воинствующую партию рабочего класса; но он был вооружен марксистским пониманием законов общественного развития и наукой победы пролетариата в борьбе с капитализмом; он закалил партию в порыве революционной борьбы народных масс. Во время этой борьбы партия непрестанно защищала интересы народа, она стала его опытным вождем и привела массы трудящихся к власти, к созданию первого социалистического государства.

Вы несомненно помните мудрые слова Ленина о том, что советское государство сильно потому, что народные массы сознают, что историю творят миллионы и десятки миллионов людей.

Наши исторические победы были достигнуты благодаря организаторской работе партии, благодаря многим местным организациям и благодаря самоотверженной работе нашего великого народа. Эти победы — результат великого напряжения и деятельности всего народа и всей партии; они вовсе не являются плодом руководства Сталина, как это утверждалось в период культа личности.

Если мы будем рассматривать этот вопрос как марксисты и как ленинцы, мы должны будем без обиняков заявить, что та система руководства, которая установилась в последние годы жизни Сталина, была серьезным препятствием на пути советского общественного развития.

Сталин часто целыми месяцами не приступал к рассмотрению какой-либо чрезвычайно важной проблемы, касавшейся жизни партии и государства и не терпевшей отлагательства. В период сталинского руководства наши мирные взаимоотношения с другими народами часто находились под угрозой потому, что решение одного человека могло вызвать и часто вызывало крупные осложнения.

За последние годы, когда нам удалось освободиться от вредной практики культа личности и когда мы провели несколько соответствующих мероприятий в области внутренней и внешней политики, каждый мог видеть, как везде на наших глазах возрастала активность, как развилась творческая деятельность широких масс трудящихся, как благоприятно все это влияло на развитие экономики и культуры. *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи могут спросить: А где же были члены Политбюро Центрального Комитета? Почему они не выступили во-время против культа личности? И почему это делается только сейчас? Прежде всего мы должны считаться с тем обстоятельством, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы в разное время по-разному. В начале многие из них активно поддерживали Сталина потому, что он был одним из сильнейших марксистов и его логика, его сила и его воля сильно влияла на партийные кадры и партийную работу.

Известно, что Сталин после смерти Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм против врагов ленинской теории и против тех, кто от нее уклонялся. Исходя из ленинской теории, партия, во главе с ее Центральным Комитетом начала в широких размерах работу по социалистической индустриализации страны, по коллективизации сельского хозяйства и проведению культурной революции. В это время Сталин завоевал себе большую популярность, симпатию и поддержку. Партии приходилось бороться против тех, кто пытался увести в сторону от правильного ленинского пути; ей приходилось бороться против троцкистов, зиновьевцев, правых уклонистов и буржуазных националистов. Эта борьба была необходима. Позже, однако, Сталин, злоупотребляя все больше и больше своей властью, стал бороться против видных руководителей партии и правительства и применять террористические методы против честных советских людей. Как мы уже указывали, Сталин поступил так с такими выдающимися руководителями партии и правительства как Коссиор, Рудзутак, Эйхе, Постышев и многие другие.

Попытки возражать против ни на чем не обоснованных подозрений и обвинений кончались тем, что возражавший сам становился жертвой репрессий. В этом отношении характерен случай с Постышевым.

В одном из своих выступлений Сталин высказал свое недоволь-

ство Постышевым и задал ему вопрос: «Кто ты, собственно, говоря?»

Постышев ответил твердо: «Я — большевик, товарищ Сталин, большевик».

Такой ответ сначала рассматривался как признак неуважения к Сталину, позже, как вредительский акт, и в конце концов это привело к тому, что Постышев был ликвидирован и без всяких оснований заклеен, как «враг народа».

О создавшемся тогда положении я часто беседовал с Николаем Александровичем Булганиным; однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он сказал: «Иногда бывает, что кто-нибудь идет к Сталину, по его приглашению, как друг. Но когда он сидит со Сталиным, то не знает, куда он попадет после этого — домой или же в тюрьму».

Ясно, что при таких условиях каждый член Политбюро находился в очень затруднительном положении. А если мы также учтем, что за последние годы пленумы Центрального Комитета не созывались, а заседания Политбюро происходили только от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро выступать против того или другого несправедливого или неправильного мероприятия, против серьезных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как мы уже показали, многие решения принимались или одним человеком, или же обходным путем, без коллективного обсуждения. Печальная участь члена Политбюро товарища Вознесенского, который пал жертвой сталинских репрессий, известна всем. Характерно, что решение об его удалении из Политбюро никогда не было поставлено на обсуждение, но было принято обходным путем. Точно также было принято решение о снятии Кузнецова и Родионова с их постов.

Значение Политбюро Центрального Комитета было принижено и работа его дезорганизована, путем создания внутри Политбюро различных комиссий — так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток». Возьмем, например, резолюцию Политбюро от 3 октября 1946 года.

«Предложение Сталина:

1. Комиссия Политбюро по Иностранным Делах («Шестерка») в будущем должна заниматься, в добавление к иностранным делам, также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.
2. Шестерка кооптирует Председателя Государственной Комиссии Экономического Планирования СССР, товарища Вознесенского, и будет впредь называться семеркой.

Подписал: Секретарь Центрального Комитета И. Сталин».

Что за картежная терминология! (*Смех в зале.*) Ясно, что создание внутри Политбюро подобного рода комиссий — «шестерок», «пятерок», «семерок» и «девяток» — шло в разрез с принципом коллективного руководства. Результатом этого было то, что некоторые члены Политбюро были устранены от возможности участвовать в рассмотрении важнейших государственных вопросов.

Один из старейших членов нашей партии, Климент Ефремович Ворошилов очутился в почти невозможном положении. В течение ряда лет он фактически был лишен права участвовать в заседаниях Политбюро. Сталин запретил ему присутствовать на заседаниях Политбюро и получать документы. Когда происходили заседания Политбюро и Ворошилов узнавал об этом, он каждый раз звонил по телефону и спрашивал, разрешено ли ему присутствовать на совещании. Иногда Сталин давал ему это разрешение, но всегда показывал свое недовольство.

Вследствие необычайной подозрительности Сталина, у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом. (*Смех в зале.*) Да, да, — английским агентом. В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. (*Возмущение в зале.*)

Своим единоличным решением Сталин отстранил от работы в Политбюро еще одного человека — Андрея Андреевича Андреева. Это было одним из самых необузданных проявлений произвола.

Вспомним о первом пленуме Центрального Комитета после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старые работника нашей партии повинны в каких-то совершенно недоказанных поступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде.

Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми.

Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина.

Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро и таким образом скрыть все те постыдные действия Сталина, которые мы теперь рассматриваем.

Товарищи!

Чтобы не повторять ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно высказался против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно превозносили. Однако в прошлом у Сталина несомненно были большие заслуги перед партией, перед рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос этот осложняется также тем, что все, что мы сейчас обсуждали, делалось при жизни Сталина под его руководством и при его поддержке; Сталин был убежден, что это было необходимо для защиты интересов трудящихся против заговоров врагов и против нападения со стороны империалистического лагеря.

Сталин смотрел на все это с точки зрения интересов рабочего класса, интересов трудящегося народа, интересов победы социализма и коммунизма. Мы не можем сказать, что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!

Товарищи! Ленин часто подчеркивал, что скромность является абсолютно неотъемлемым качеством настоящего большевика. Сам Ленин был олицетворением величайшей скромности. Мы не можем сказать, что мы следовали этому примеру Ленина во всех отношениях. Достаточно сказать, что многие города, заводы, промышленные предприятия, колхозы и совхозы, советские и культурные учреждения носят названия — если вы мне позволите такое сравнение, — как будто они являются частной собственностью, названия по имени тех или других руководителей партии и членов правительства, которые и сейчас находятся в добром здравии и активно работают. Многие из нас принимали участие в этой практике давать наши имена различным городам, районам, предприятиям и колхозам. Это мы должны исправить. (*Аплодисменты*).

Но это должно быть сделано спокойно и медленно. Центральный Комитет обсудит этот вопрос и тщательно рассмотрит его, чтобы избежать ошибок и крайностей. Я помню, как на Украине в свое время узнали об аресте Коссиора. Киевское радио обычно начинало свои передачи словами: «Говорит радиостанция имени Коссиора». Когда однажды передача началась без упоминания имени Коссиора, все поняли, что с Коссиором что-то случилось, по всей вероятности, он был арестован.

Поэтому, если мы теперь начнем снимать всюду эмблемы и менять названия, то люди могут подумать, что тех товарищей, в честь которых названы города, предприятия и колхозы, также постигла печальная участь, что они также арестованы. (*Оживление в зале*.)

Как у нас привыкли судить об авторитете и значении того или

иного человека? Судят по тому, сколько городов, фабрик и заводов, сколько колхозов и совхозов носят его имя. Не пора ли уничтожить эту «частную собственность» и «национализировать» фабрики и заводы, колхозы и совхозы? (Смех, аплодисменты, голоса: «Правильно!»)

От этого наше дело только выпрает. Ведь культ личности сказался и в этом.

Мы должны со всей серьезностью рассмотреть вопрос о культе личности. Мы не можем допустить, чтобы этот вопрос вышел за пределы кругов партии, в особенности же, чтобы он попал в печать. Вот почему мы его обсуждаем здесь, на закрытом заседании Съезда. Нам следует знать пределы, мы не должны давать оружие в руки нашим врагам, не должны полоскать наше грязное белье у них на глазах. Я думаю, что делегаты съезда поймут и правильно оценят все эти предложения. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи! Мы должны покончить с культом личности решительно, раз и навсегда; мы должны сделать правильные выводы как относительно идеологически-теоретической, так и практической работы. Для этой цели необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить культ личности, как чуждый марксизму-ленинизму и несоответствующий принципам партийного руководства и нормам партийной жизни; мы должны неумолимо бороться против всяких попыток вернуться к этой практике в той или иной форме.

Мы должны вернуться и действительно осуществлять во всей нашей идеологической работе важнейшие положения марксистско-ленинской науки о народе, как творце всех материальных и духовных благ человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим, мы будем вынуждены провести очень большую работу, чтобы с марксистско-ленинской точки зрения тщательно пересмотреть и исправить широко распространенные ложные мнения, связанные с культом личности в области истории, философии, экономики и других отраслей науки, а также в области литературы и искусства.

Особенно необходимо составить в ближайшем будущем серьезный учебник истории нашей партии, который будет отредактирован в соответствии с научной марксистской объективностью, учебник истории советского общества, книгу, относящуюся к событиям гражданской войны и великой Отечественной войны.

Во-вторых, систематически и последовательно продолжать работу, проделанную ЦК партии за последние годы, работу, характерную тщательным соблюдением во всех партийных организациях, низших и высших, ленинских принципов партийного руководства; работу,

характерную прежде всего основными принципами коллективного руководства, характерную соблюдением норм партийной жизни, запечатленных в уставе нашей партии и, наконец, характерную применением критики и самокритики.

В-третьих, восстановить полностью ленинские принципы советской социалистической демократии, выраженные в Конституции СССР, бороться против произвола отдельных лиц, злоупотребляющих своей властью. Зло, причиненное действиями, нарушавшими революционную социалистическую законность, которые совершались в течение многих лет в результате отрицательного влияния культа личности, должно быть полностью исправлено.

Товарищи!

XX съезд КПСС с новой силой показал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг нашего Центрального Комитета, ее твердую волю завершить великое дело строительства коммунизма. *(Бурные аплодисменты.)* Сам факт, что мы ставим на рассмотрение во всех их разветвлениях основные проблемы преодоления культа личности, чуждого марксизму-ленинизму, так же как и вопрос о ликвидации его тяжелых последствий, — является доказательством великой моральной и политической силы нашей партии. *(Бурные аплодисменты.)*

Мы абсолютно уверены, что наша партия, вооруженная историческими решениями XX-го съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию, Все встают.)*

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — Ленинизм!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Постановление Центрального Комитета КПСС О преодолении культа личности и его последствий (от 30 июня 1956 года)

I

Центральный Комитет КПСС с удовлетворением отмечает, что решения исторического XX съезда Коммунистической партии Советского Союза встретили полное одобрение и горячую поддержку всей нашей партии, всего советского народа, братских коммунистических и рабочих партий, трудящихся великого содружества социалистических стран, миллионов людей в капиталистических и колониальных странах. Это и понятно, так как XX съезд партии, знаменующий собой новый этап в творческом развитии марксизма-ленинизма, дал глубокий анализ современного внутреннего положения, вооружил Коммунистическую партию, весь советский народ величественным планом дальнейшей борьбы за построение коммунизма, открыл новые перспективы для объединенных действий всех партий рабочего класса за предотвращение угрозы новой войны, за интересы трудящихся.

Осуществляя решения XX съезда КПСС, советский народ под руководством Коммунистической партии добивается новых выдающихся успехов во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Советские люди еще теснее оплотнились вокруг Коммунистической партии и проявляют высокую творческую активность в борьбе за выполнение задач, поставленных XX съездом.

Истекший после съезда период показал вместе с тем великую жизненную силу его решений для международного коммунистического и рабочего движения, для борьбы всех прогрессивных сил за укрепление мира во всем мире. Выдвинутые съездом важные принципиальные теоретические положения о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о разнообразии форм перехода стран к социализму оказывают благотворное влияние на международную обстановку, содействуют разрядке напряженности, укреплению единства действий всех сил, борющихся за мир и демократию, дальнейшему упрочнению мировой системы социализма.

Если среди советских людей, среди трудящихся стран народной демократии и всего мира исторические решения XX съезда КПСС вызвали большое воодушевление, новый прилив творческой инициативы и революционной энергии, то в стане врагов рабочего класса они породили тревогу и озлобление. Реакционные круги США и некоторых других капиталистических держав явно обеспокоены великой программой борьбы за упрочение мира, намеченной XX съездом КПСС. Их беспокойство возрастает по мере того, как эта программа активно и последовательно проводится в жизнь.

Почему враги коммунизма и социализма сосредотачивают огонь на недостатках, о которых было сказано Центральным Комитетом нашей партии на XX съезде КПСС? Они это делают для того, чтобы отвлечь внимание рабочего класса и его партий от главных вопросов, которые были выдвинуты на XX съезде партии и которые расчищают путь для новых успехов мира, социализма, единства рабочего класса.

Решения XX съезда, внутренняя и внешняя политика Советского правительства вызвали смятение в империалистических кругах США и других государств.

Смелая и последовательная политика СССР по обеспечению мира и сотрудничества между государствами, независимо от их общественного строя, находит поддержку в широчайших народных массах всех стран мира, расширяет фронт миролюбивых государств и вызывает глубокий кризис политики «холодной войны», политики околачивания военных блоков и гонки вооружений. Не случайно, что наибольший шум вокруг борьбы с культом личности в СССР поднимали империалистические круги в США. Им было выгодно наличие отрицательных явлений, связанных с культом личности, для того чтобы, пользуясь этими фактами, бороться против социализма. Теперь, когда наша партия смело преодолевает последствия культа личности, империалисты видят в этом фактор, ускоряющий движение нашей страны вперед, к коммунизму и ослабляющий позиции капитализма.

Стремясь ослабить великую притягательную силу решений XX съезда КПСС, их влияние на широчайшие народные массы, идеологи капитализма прибегают ко всякого рода уловкам и ухищрениям, чтобы отвлечь внимание трудящихся от передовых и вдохновляющих идей, выдвинутых перед человечеством социалистическим миром.

В последнее время в буржуазной печати развернута широкая клеветническая антисоветская кампания, поводом для которой реакционные круги пытаются использовать некоторые факты, связанные с осужденным Коммунистической партией Советского Союза культом личности И. В. Сталина. Организаторы этой кампании прилагают все усилия к тому, чтобы «замутить воду», скрыть тот факт, что речь идет о пройденном этапе в жизни Советской страны; они хотят замолчать

и извратить и то, что Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство за годы, истекшие после смерти Сталина, с исключительной настойчивостью и решительностью ликвидируют последствия культа личности, успешно осуществляют новые задачи в интересах упрочнения мира, построения коммунизма, в интересах широких народных масс.

Развертывая клеветническую кампанию, идеологи буржуазии вновь и безуспешно пытаются бросить тень на великие идеи марксизма-ленинизма, подорвать доверие трудящихся к первой в мире стране социализма — СССР, внести замешательство в ряды международного коммунистического и рабочего движения.

Опыт истории учит, что враги международного пролетарского единства в прошлом не раз пытались использовать выгодные, по их мнению, моменты для подрыва интернационального единства коммунистических и рабочих партий, для раскола международного рабочего движения, для ослабления сил социалистического лагеря. Но всякий раз коммунистические и рабочие партии распознавали маневры врагов социализма, еще точнее оплачивали свои ряды, демонстрируя свое нерушимое политическое единство, свою непоколебимую верность идеям марксизма-ленинизма.

Братские коммунистические и рабочие партии во-время распознали и этот маневр врагов социализма и дают ему достойный отпор. Вместе с тем было бы неправильно закрывать глаза на то обстоятельство, что некоторые наши друзья за рубежом не разобрались до конца в вопросе о культе личности и его последствиях и допускают порою неправильные толкования некоторых положений, связанных с культом личности.

В критике культа личности партия исходит из принципов марксизма-ленинизма. Уже более трех лет наша партия ведет последовательную борьбу против культа личности И. В. Сталина, настойчиво преодолевает его вредные последствия. Естественно, что этот вопрос занял важное место в работе XX съезда КПСС и в его решениях. Съезд отметил, что Центральный Комитет совершенно правильно и своевременно выступил против культа личности, распространение которого умаляло роль партии и народных масс, принижало роль коллективного руководства в партии и нередко приводило к серьезным упущениям в работе, к грубым нарушениям социалистической законности. Съезд поручил Центральному Комитету последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принци-

пов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным.

В борьбе против культа личности партия руководствуется известными положениями марксизма-ленинизма о роли народных масс, партии и отдельных личностей в истории, на недопустимости культа личности политического руководителя, как бы велики ни были его заслуги. Основоположник научного коммунизма К. Маркс, подчеркивая свою неприязнь «ко всякому» культу личности», заявлял, что вступление его и Ф. Энгельса в общество коммунистов «произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том 26, издание 1-е, стр. 487—488).

Создавая нашу Коммунистическую партию, В. И. Ленин непримиримо боролся против антимарксистской концепции «героя» и «толпы», решительно осуждал противопоставление героя-одиночки народным массам. «Ум десятков миллионов творцов, — говорил В. И. Ленин, — создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» (Соч., том 26, стр. 431).

Выдвигая вопрос о борьбе с культом личности И. В. Сталина, ЦК КПСС исходил из того, что культ личности противоречит природе социалистического строя и превращался в тормоз на пути развития советской демократии и продвижения советского общества к коммунизму.

XX съезд партии по инициативе Центрального Комитета счел необходимым смело и открыто указать о тяжелых последствиях культа личности, о серьезных ошибках, которые были допущены в последний период жизни Сталина, и призвать всю партию общими усилиями покончить со всем тем, что повлек за собой культ личности. При этом ЦК отдал себе отчет в том, что откровенное признание допущенных ошибок будет связано с известными минусами и издержками, которыми могут воспользоваться враги. Смелая и беспощадная самокритика в вопросе о культе личности явилась новым ярким свидетельством силы и крепости нашей партии и советского социалистического строя. Можно с уверенностью сказать, что ни одна из правящих партий капиталистических стран никогда не рискнула бы пойти на подобный шаг. Насборют, они постарались бы молчать, скрывать от народа такие неприятные факты. Но Коммунистическая партия Советского Союза, воспитанная на революционных принципах марксизма-ленинизма, сказала всю правду, как бы она ни была горька. Партия пошла на этот шаг исключительно по своей инициативе, руководствуясь принципиальными соображениями. Она исходила из того, что если выступление против культа Сталина и вызовет некоторые временные трудности, то в перспективе, с точки зрения

коренных интересов и конечных целей рабочего класса, это даст огромный политический результат. Тем самым создаются прочные гарантии того, чтобы никогда впредь в нашей партии и в стране не могли возникнуть явления, подобные культу личности, чтобы впредь руководство партией и страной осуществлялось коллективно, на основе проведения марксистско-ленинской политики, в условиях развернутой внутрипартийной демократии, при активном творческом участии миллионов трудящихся, при всемерном развитии советской демократии.

Решительно выступив против культа личности и его последствий, открыто подвергнув критике ошибки, порожденные им, партия еще раз продемонстрировала свою верность бессмертным принципам марксизма-ленинизма, свою преданность интересам народа, свою заботу о том, чтобы были созданы наилучшие условия для развития партийной и советской демократии в интересах успешного строительства коммунизма в нашей стране.

ЦК КПСС констатирует, что обсуждение в партийных организациях и на общих собраниях трудящихся вопроса о культе личности и его последствиях прошло при большой активности членов партии и беспартийных и что линия ЦК КПСС нашла в партии и в народе полное одобрение и поддержку.

Обнарожденные партией факты нарушений социалистической законности и другие ошибки, связанные с культом личности И. В. Сталина, естественно, вызывают чувство горечи и глубокого сожаления. Но советские люди понимают, что осуждение культа личности было необходимо в интересах строительства коммунизма, активными участниками которого они являются. Советский народ видит, что партия за последние годы настойчиво осуществляет практические меры, направленные на устранение последствий культа личности во всех областях партийного, государственного, хозяйственного и культурного строительства. В результате этой работы партия, внутренние силы которой теперь ничто не сковывает, еще более сблизилась с народом и находится сейчас в состоянии небывалой творческой активности.

II

Как же могло случиться, что в условиях советского социалистического строя возник и получил распространение культ личности Сталина со всеми его отрицательными последствиями?

При рассмотрении этого вопроса надо иметь в виду как объективные конкретные исторические условия, так и некоторые субъективные факторы, связанные с личными качествами Сталина.

Октябрьская социалистическая революция вошла в историю как классический пример революционного преобразования капиталистического общества, совершенного под руководством рабочего класса. На примере героической борьбы большевистской партии, первого в мире социалистического государства — СССР, компартии других стран, все прогрессивные и демократические силы учатся опыту решения коренных социальных вопросов, выдвигаемых современным общественным развитием. На протяжении почти 40 лет строительства социалистического общества трудящимися нашей страны накоплен огромный опыт, который изучается и творчески, применительно к своим конкретным условиям, осваивается трудящимися других социалистических стран.

Это был первый в истории опыт построения социалистического общества, формировавшегося в процессе исканий, проверки на практике многих истин, известных до этого социалистам лишь в общих чертах, в теории. На протяжении более четверти века Советская страна была единственной страной, прокладывающей человечеству путь к социализму. Она была подобна осажденной крепости, находившейся в капиталистическом окружении. Враги Советской страны на Западе и на Востоке после провалившейся интервенции 14 государств в 1918—1920 гг. продолжали готовить новые «крестьянские походы» против СССР. Враги в большем количестве засылали в СССР шпионов и диверсантов, стараясь всеми средствами подорвать первое в мире социалистическое государство. Угроза новой империалистической агрессии против СССР особенно усилилась после прихода к власти фашизма в Германии в 1933 году, провозгласившего своей целью уничтожение коммунизма, уничтожение Советского Союза — первого в мире государства трудящихся. Всем памятно образование так называемого «антикоммунистического пакта», «оси Берлин-Рим-Токио», активно поддержанных силами всей международной реакции. В обстановке назревавшей угрозы новой войны, отказа западных держав от неоднократно предлагавшихся Советским Союзом мер по обузданию фашизма и организации коллективной безопасности, Советская страна вынуждена была напрягать все силы для укрепления обороны, для борьбы с провокациями враждебного капиталистического окружения. Партия должна была воспитывать весь народ в духе постоянной бдительности и мобилизационной готовности перед лицом внешних врагов.

Прииски международной реакции были тем более опасны, что внутри страны долгое время шла ожесточенная классовая борьба, решался вопрос «кто кого?» После смерти Ленина в партии активизировались враждебные течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, стоявшие на позициях отказа от ленин-

ской теории о возможности победы социализма в одной стране, что на деле вело бы к реставрации капитализма в СССР. Партия развернула беспощадную борьбу против этих врагов ленинизма.

Выполняя ленинские заветы, Коммунистическая партия взяла курс на социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и осуществление культурной революции. На пути решения этих величайших задач по строительству социалистического общества в одной, отдельно взятой стране советскому народу и Коммунистической партии пришлось преодолеть неимоверные трудности и препятствия. Наша страна должна была в кратчайший срок, без какой бы то ни было экономической помощи извне, ликвидировать свою вековую отсталость, перестроить все народное хозяйство на новых, социалистических началах.

Эта сложная международная и внутренняя обстановка требовала железной дисциплины, неустанного повышения бдительности, строжайшей централизации руководства, что не могло не сказаться отрицательно на развитии некоторых демократических форм. В ходе ожесточенной борьбы со всем миром империализма нашей стране приходилось идти на некоторые ограничения демократии, оправданные логикой борьбы нашего народа за социализм в условиях капиталистического окружения. Но эти ограничения уже тогда рассматривались партией и народом как временные, подлежащие устранению по мере укрепления Советского государства и развития сил демократии и социализма во всем мире. Народ сознательно шел на эти временные жертвы, видя с каждым днем все новые и новые успехи советского общественного строя.

Все эти трудности на пути строительства социализма были преодолены советским народом под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, последовательно проводившего ленинскую генеральную линию.

Победа социализма в нашей стране, находившейся в условиях враждебного окружения и постоянной угрозы нападения извне, была всемирно-историческим подвигом, который совершил советский народ. В течение первых пятилеток экономически отсталая страна в результате напряженных, героических усилий народа и партии совершила гигантский скачок в своем экономическом и культурном развитии. На основе успехов социалистического строительства был поднят жизненный уровень трудящихся, навсегда ликвидирована безработица. В стране произошла глубочайшая культурная революция. В короткий срок советский народ вырастил многочисленные кадры технической интеллигенции, ставшей на уровень мирового технического прогресса и выдвинувшей советскую науку и технику на одно из передовых мест в мире. Вдохновителем и организатором этих побед была великая

партия коммунистов. Трудящиеся всего мира на примере СССР наглядно убедились в том, что рабочие и крестьяне, взяв власть в свои руки, могут без капиталистов и помещиков успешно строить и развивать свое социалистическое государство, выражающее и защищающее интересы широких народных масс. Все это сыграло опромную вдохновляющую роль для роста влияния коммунистических и рабочих партий во всех странах мира.

Находясь длительный период на посту генерального секретаря ЦК партии, И. В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов. Он был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор возглавил борьбу партии против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против проиоков капиталистического окружения. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность. Однако с его именем стали неправильно связывать все наши великие победы. Успехи, достигнутые Коммунистической партией и Советской страной, восхваления по адресу Сталина вскружили ему голову. В этой обстановке стал постепенно складываться культ личности Сталина.

Развитию культа личности способствовали в огромной степени некоторые индивидуальные качества И. В. Сталина, на отрицательный характер которых указывал еще В. И. Ленин. В конце 1922 года Ленин обратился с письмом к очередному съезду партии, в котором говорилось:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В добавление к этому письму, написанному в начале января 1923 года, В. И. Ленин снова возвращается к вопросу о некоторых нетерпимых для руководителя личных качествах Сталина. «Сталин слишком груб, — писал Ленин, — и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.»

На XIII съезде партии, проходившем вскоре после смерти В. И. Ленина, его письма были доведены до сведения делегаций. В результате обсуждения этих документов было признано целесообразным оставить Сталина на посту генсека с тем, однако, чтобы он учел критику со стороны В. И. Ленина и сделал из нее все необходимые выводы.

Оставшись на посту генерального секретаря ЦК, Сталин первый

период после смерти Владимира Ильича считался с его критическими замечаниями. Однако в дальнейшем Сталин, непомерно переоценив свои заслуги, уверовал в собственную непогрешимость. Некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом и его агентурой, а позднее в условиях войны против немецко-фашистских захватчиков, Сталин начал возводить в норму (внутрипартийной и государственной жизни, грубо попирая ленинские принципы руководства. Плenums ЦК и съезды партии проводились нерегулярно, а потом совсем не созывались в течение многих лет. Сталин оказался фактически вне критики.

Большой вред делу социалистического строительства, развитию демократии внутри партии и государства нанесла ошибочная формула Сталина о том, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться. Эта формула, верная только для определенных этапов переходного периода, когда решался вопрос «кто кого?», когда шла упорная классовая борьба за построение основ социализма, была выдвинута на первый план в 1937 году, в момент, когда социализм уже победил в нашей стране, когда эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы. На практике эта ошибочная теоретическая формула послужила основанием грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий.

Именно в тех условиях создавалось, в частности, особое положение для органов государственной безопасности, которым оказывалось опломбированное доверие, так как они имели перед народом и страной несомненные заслуги в деле защиты завоеваний революции. В течение длительного времени органы государственной безопасности оправдывали это доверие, и их особое положение не вызывало какой-либо опасности. Дело изменилось после того, когда контроль над ними со стороны партии и правительства был постепенно подменен личным контролем Сталина, а обычное опправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями. Положение еще больше осложнилось, когда во главе органов государственной безопасности оказалась преступная банда агента международного империализма Берия. Были допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате промахов врагов были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди.

XX съезд партии и вся политика Центрального Комитета после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что внутри Центрального Комитета партии имелось сложившееся ленинское ядро руководителей, которые правильно понимали назревшие потребности в области

как внутренней, так и внешней политики. Нельзя сказать, что не было противодействий тем отрицательным явлениям, которые были связаны с культом личности и тормозили движение вперед. Более того, были определенные периоды, например, в годы войны, когда единоличные действия Сталина резко ограничивались, когда существенно ослаблялись отрицательные последствия беззаконий, произвола и т. д.

Известно, что именно в период войны члены ЦК, а также выдающиеся советские военачальники взяли в свои руки определенные участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой, вместе с местными партийными и советскими организациями обеспечивали победу советского народа в войне. После победы отрицательные последствия культа личности вновь стали сказываться с большой силой.

Ленинское ядро Центрального Комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями.

Может возникнуть вопрос: почему же эти люди не выступили открыто против Сталина и не ограднили его от руководства? В сложившихся условиях этого нельзя было сделать. Безусловно, факты говорят о том, что Сталин повинен во многих беззакониях, которые совершались особенно в последний период его жизни. Однако нельзя вместе с тем забывать, что советские люди знали Сталина, как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врага, борется за дело социализма. Он применял порою в этой борьбе недостойные методы, нарушал ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина. Но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершавшихся тогда беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину.

Всякое выступление против него в этих условиях было бы непонято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе. Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях, как выступление против дела строительства социализма, как крайне опасный в обстановке капиталистического окружения подрыв единства партии и всего государства. К тому же успехи, которые сделали трудящиеся Советского Союза под руководством своей Коммунистической партии, вселяли законную гордость в сердце каждого советского человека и создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными, а отрицательные

последствия этих ошибок быстро возмещались колоссально нарастающими жизненными силами партии и советского общества.

Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что многие факты и неправильные действия Сталина, в особенности в области нарушения советской законности, стали известными лишь в последнее время, уже после смерти Сталина, главным образом в связи с разоблачением банды Берия и установлением контроля партии над органами госбезопасности.

Таковы главные условия и причины, приведшие к возникновению и распространению культа личности И. В. Сталина. Разумеется, все сказанное объясняет, но отнюдь не оправдывает культа личности И. В. Сталина и его последствия, так резко и справедливо осужденные нашей партией.

III

Бесспорно, культ личности нанес серьезный ущерб делу Коммунистической партии, советскому обществу. Но было бы грубой ошибкой из факта наличия в прошлом культа личности делать выводы о каких-то изменениях в общественном строе в СССР или искать источник этого культа в природе советского общественного строя. И то и другое является абсолютно неправильным, так как это не соответствует действительности, противоречит фактам.

Несмотря на все зло, которое причинял культ личности Сталина партии и народу, он не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя. Никакой культ личности не мог изменить природы социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, хотя этот культ и нанес серьезный ущерб развитию социалистического демократизма, подъему творческой инициативы миллионов.

Думать, что отдельная личность, даже такая крупная, как Сталин, могла изменить наш общественно-политический строй, значит впасть в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с истиной, впасть в идеализм. Это значило бы приписывать отдельной личности такие непомерные, сверхъестественные силы, как способность изменить строй общества, да еще такой общественный строй, в котором решающей силой являются многомиллионные массы трудящихся.

Как известно, природа общественно-политического строя определяется тем, каков опосредствованным образом средства производства, кому в обществе принадлежат средства производства, в руках какого класса находится политическая власть. Весь мир знает, что в нашей стране в результате Октябрьской революции и победы социализма утвердился социалистический способ производства, что вот уже почти сорок лет власть

находится в руках рабочего класса и крестьянства. Благодаря этому из года в год укрепляется советский общественный строй, растут его производительные силы. Этого факта не могут не признать даже наши недоброжелатели.

Последствиями культа личности, как известно, были некоторые серьезные ошибки в руководстве различными отраслями деятельности партии и советского государства как во внутренней жизни Советской страны, так и в ее внешней политике. Можно, в частности, указать на серьезные ошибки, допущенные Сталиным в руководстве сельским хозяйством, в организации подготовки страны к отпору фашистских захватчиков, на грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период. Эти ошибки нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, тормозили, особенно в последние годы жизни И. В. Сталина, развитие советского общества, но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму.

Наши враги утверждают, будто культ личности Сталина порожден не определенными историческими условиями, которые ушли уже в прошлое, а самой советской системой, ее, с их точки зрения, недемократичностью и т. д. Подобные клеветнические утверждения опровергаются всей историей развития Советского государства. Советы, как новая демократическая форма государственной власти, возникли в результате творчества широчайших народных масс, поднявшихся на борьбу за свободу. Они были и остаются органами подлинного народного властия. Именно советский строй создал возможность для выявления громадной творческой энергии народа. Он привел в движение неисчерпаемые силы, заложенные в народных массах, вовлек миллионы людей в сознательное управление государством, в активное творческое участие в строительстве социализма. За короткий исторический период времени Советское государство вышло победителем из самых тяжелых испытаний, прошло проверку в огне второй мировой войны.

Когда в нашей стране были ликвидированы последние эксплуататорские классы, когда социализм стал господствующей системой во всем народном хозяйстве, а международное положение нашей страны в корне изменилось, рамки советской демократии неизмеримо расширились и продолжают расширяться. В отличие от буржуазной демократии советская демократия не только провозглашает, но и материально обеспечивает всем без исключения членам общества право на труд, образование и отдых, на участие в общественных делах, свободу слова, печати, свободу совести, а также реальную возможность свободного развития личных способностей и все другие демократические права и свободы. Суть демократии не в формальных признаках, а в том, служит ли, отражает ли на деле политическая власть волю и

коренные интересы большинства народа, интересы трудящихся. Вся внутренняя и внешняя политика Советского государства говорит о том, что наш строй — подлинно демократический, подлинно народный строй. Высшей целью и повседневной заботой Советского государства является всемерное повышение жизненного уровня населения, обеспечение мирного существования для своего народа.

Свидетельством дальнейшего развития советской демократии являются проводимые партией и правительством меры по расширению прав и компетенции союзных республик, строгому соблюдению законности, перестройке системы планирования в целях развязывания местной инициативы, активизации деятельности местных Советов, развитию критики и самокритики.

Несмотря на культ личности и вопреки ему, могучая инициатива народных масс, руководимых Коммунистической партией, рожденная нашим строем, творила свое великое историческое дело, преодолевая все препятствия на пути строительства социализма. И в этом находит свое высшее выражение демократизм советского социалистического строя. Выдающиеся победы социализма в нашей стране не пришли самотеком. Они были достигнуты благодаря громадной организаторской и воспитательной работе партии и ее местных организаций, благодаря тому, что партия всегда воспитывала свои кадры и всех коммунистов в духе верности марксизму-ленинизму, в духе преданности делу коммунизма. Советское общество сильно сознательностью масс. Его исторические судьбы определялись и определяются созидательным трудом нашего рабочего класса, славного колхозного крестьянства, народной интеллигенции.

Ликвидируя последствия культа личности, восстанавливая большевистские нормы партийной жизни, развертывая социалистический демократизм, наша партия добилась дальнейшего укрепления связей с широкими массами, еще теснее сплотила их под великим ленинским знаменем.

Тот факт, что сама партия смело и открыто поставила вопрос о ликвидации культа личности, о недопустимых ошибках, которые были сделаны Сталиным, является убедительным доказательством того, что партия твердо стоит на страже ленинизма, дела социализма и коммунизма, соблюдения социалистической законности и интересов народов, обеспечения прав советских граждан. Это является лучшим доказательством силы и жизненности советского социалистического строя. Это вместе с тем говорит о решимости до конца преодолеть последствия культа личности и недопускать впредь повторения ошибок подобного характера.

Осуждение нашей партией культа личности И. В. Сталина и его последствий вызвало одобрение и широкие отклики во всех братских

коммунистических и рабочих партиях. Отмечая огромное значение XX съезда КПСС для всего международного коммунистического и рабочего движения, коммунисты зарубежных стран рассматривают борьбу против культа личности и его последствий как борьбу за чистоту принципов марксизма-ленинизма, за творческий подход к решению современных проблем международного рабочего движения, за утверждение и дальнейшее развитие принципов пролетарского интернационализма.

В заявлениях ряда братских коммунистических партий высказываются одобрение и поддержка проводимых нашей партией мер против культа личности и его последствий. Орган ЦК Компартии Китая газета «Женьминьжибао», излагая выводы из обсуждения решений XX съезда КПСС на заседании Политбюро ЦК Компартии Китая, в редакционной статье «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» писал:

«Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам Ленина, серьезно относится к допущенным Сталиным в руководстве социалистическим строительством некоторым серьезным ошибкам и к вызванным ими последствиям. Ввиду серьезности этих последствий перед коммунистической партией Советского Союза встала необходимость одновременно с признанием великих заслуг Сталина со всей остротой вскрыть сущность ошибок, допущенных Сталиным, и призывать всю партию к тому, чтобы остерегаться повторения этого, к решительному искоренению нездоровых последствий, порожденных этими ошибками. Мы, коммунисты Китая, глубоко верим, что после острой критики, развернувшейся на XX съезде КПСС, все те активные факторы, которые сильно сдерживались в прошлом из-за некоторых политических ошибок, обязательно придут повсюду в движение, что Коммунистическая партия Советского Союза и советский народ будут еще более, чем раньше, едины и сплочены в борьбе за построение невиданного в истории человечества великого коммунистического общества, за прочный мир во всем мире».

«Заслудой руководителей Коммунистической партии Советского Союза, — говорится в заявлении Политбюро Французской компартии, — является то, что они предприняли исправление ошибок и недостатков, связанных с культом личности, что свидетельствует о силе и единстве великой партии Ленина, о доверии, которым она пользуется в советском народе, а также о ее авторитете в международном рабочем движении». Генеральный секретарь национального Комитета Компартии США товарищ Юджин Деннис, отмечая огромное значение XX съезда КПСС, в известной статье заявляет: «XX съезд укрепил всеобщий мир и социальный прогресс. Он ознаменовал новую стадию в развитии социализма и в борьбе за мирное сосуществование, которая

началась во времена Ленина, была продолжена в последующие годы и становится все более и более действенной и успешной».

Вместе с тем следует отметить, что при обсуждении вопроса о культе личности не всегда дается правильное толкование причин, породивших культ личности, и последствий этого культа для нашего общественного строя. Так, например, в обстоятельном и интересном интервью журналу «Ноуви аргументи» товарища Тольятти, наряду со многими важными и правильными выводами, содержатся и неправильные положения. В частности, нельзя согласиться с постановкой товарищем Тольятти вопроса о том, не пришлось ли советское общество «к некоторым формам перерождения»? Для постановки такого вопроса нет никаких оснований. Она тем более непонятна, что в другом месте своего интервью товарищ Тольятти совершенно правильно говорит: «Необходимо сделать вывод, что существо социалистического строя не было утрачено, так как не было потеряно ни одно из предыдущих завоеваний и прежде всего поддержка строя массами рабочих, крестьян, интеллигенции, образующих советское общество. Сама эта поддержка доказывает, что несмотря ни на что, это общество сохранило свой основной демократический характер».

Действительно, без поддержки широчайшими народными массами Советской власти, политики Коммунистической партии наша страна не смогла бы в невиданно короткий срок создать могучую социалистическую индустрию, осуществить коллективизацию сельского хозяйства, она не смогла бы одержать победу во второй мировой войне, от исхода которой зависели судьбы всего человечества. В результате полного разгрома гитлеризма, итальянского фашизма и японского милитаризма получили широкое развитие силы коммунистического движения, выросли и стали массовыми компартии Италии, Франции и других капиталистических стран, был установлен строй народной демократии в ряде стран Европы и Азии, возникла и укрепилась мировая система социализма, достигло небывалых успехов национально-освободительное движение, приведшее к распаду колониальной системы империализма.

IV

Единодушно одобряя решения XX съезда КПСС, осуждающие культ личности, коммунисты, все советские люди видят в них свидетельство возросшей силы нашей партии, ее ленинской принципиальности, ее единства и сплоченности. «Партия революционного пролетариата, — указывал Ленин, — достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью». (Соч., том 21, стр. 150). Руководствуясь этим

ленинским принципом, наша партия и впредь будет смело вскрывать, открыто критиковать и решительно устранять ошибки и промахи в своей работе.

ЦК КПСС считает, что проведенная до настоящего времени партией работа по преодолению культа личности и его последствий уже дала положительные результаты.

Исходя из решений XX съезда партии, Центральный Комитет КПСС призывает все партийные организации:

последовательно соблюдать во всей нашей работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма;

настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным Комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства, прежде всего высшего принципа — коллективизации руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики;

полностью восстановить принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, до конца исправить нарушения революционной законности;

мобилизовать наши кадры, всех коммунистов и широчайшие массы трудящихся на борьбу за практическое осуществление задач шестого пятилетнего плана, всемерно развивая для этого творческую инициативу и энергию масс — истинных творцов истории.

XX съезд КПСС указал, что важнейшей чертой нашей эпохи является превращение социализма в мировую систему. Самая трудная полоса в развитии и утверждении социализма осталась позади. Наша социалистическая страна перестала быть одиноким островом в океане капиталистических государств. Ныне под знаменем социализма строит новую жизнь более трети всего человечества. Идеи социализма овладевают умами многих и многих миллионов людей в капиталистических странах. Опромно воздействие идей социализма на народы Азии, Африки и Латинской Америки, выступающие против всех видов колониализма.

Решения XX съезда КПСС воспринимаются всеми сторонниками мира и социализма, всеми демократическими странами и прогрессивными кругами как вдохновляющая программа борьбы за упрочнение мира во всем мире, за интересы рабочего класса, за торжество дела социализма.

В современных условиях перед коммунистическими партиями и

всем международным рабочим движением открываются широкие воодушевляющие перспективы — добиться вместе со всеми миролюбивыми силами предотвращения новой мировой войны, обуздать монополии и обеспечить длительный мир и безопасность народов, прекратить гонку вооружений и снять с трудящихся порождаемое ею тяжкое бремя налогов, отстаивать демократические права и свободы, обеспечивающие трудящимся борьбу за свою лучшую жизнь и светлое будущее. Именно в этом кровно заинтересованы миллионы простых людей во всех странах мира. Успешному решению этих проблем в огромной степени способствуют миролюбивая политика, все новые и новые успехи Советского Союза, Китайской Республики и всех других стран, идущих по пути социализма.

В новых исторических условиях прекратили свою деятельность такие международные организации рабочего класса, как Коминтерн и Коминформ. Но отсюда вовсе не следует, что потеряли значение солидарность и необходимость контактов революционных братских партий, стоящих на позициях марксизма-ленинизма. В настоящее время, когда неизмеримо выросли силы социализма и влияние идей социализма во всем мире, когда выявляется своеобразие путей к социализму в различных странах, — марксистские партии рабочего класса должны, естественно, сохранять и укреплять свое идейное единство и интернациональную братскую солидарность в борьбе против угрозы новой войны, в борьбе против антинародных сил монополистического капитала, стремящихся подавить все революционные и прогрессивные движения. Коммунистические партии сплачивает великая цель освобождения рабочего класса от гнета капитала, их связывает воедино верность научной идеологии марксизма-ленинизма, духу пролетарского интернационализма, беззаветная преданность интересам народных масс.

В своей деятельности в современных условиях все коммунистические партии исходят из национальных особенностей и условий каждой страны, выражая с наибольшей полнотой национальные интересы своих народов. Вместе с тем, сознавая, что борьба за интересы рабочего класса, за мир и национальную независимость своих стран является одновременно делом всего международного пролетариата, они сплачиваются и укрепляют связи и сотрудничество между собой. Идейное сплочение и братская солидарность марксистских партий рабочего класса различных стран тем более необходимы, что капиталистические монополии создают свои международные агрессивные объединения и блоки, подобные НАТО, СЕАТО, Багдадскому пакту, направленные против миролюбивых народов, против национально-освободительного движения, против рабочего класса и жизненных интересов трудящихся.

В то время как Советский Союз многое сделал и делает для разрядки международной напряженности, — и это теперь признается всеми, — в то же время американский монополистический капитал продолжает ассигновывать крупные суммы для усиления подрывной деятельности в социалистических странах. В разгар «холодной войны», как известно, американский конгресс официально (помимо тех средств, которые отпускаются неофициально) ассигновал 100 миллионов долларов на цели подрывной деятельности в странах народной демократии и в Советском Союзе. Теперь, когда Советский Союз и другие социалистические страны делают все возможное для ослабления международной напряженности, сторонники «холодной войны» стараются активизировать действия осужденной народами мира «холодной войны». Об этом говорит решение американского сената о дополнительном ассигновании 25 миллионов на подрывную деятельность, которая цинично именуется «поощрением свободы» за «железным занавесом».

Мы должны трезво оценить этот факт и сделать из него соответствующие выводы. Ясно, например, что антинародные выступления в Познани оплачены из этого источника. Однако у провокаторов и диверсантов, оплаченных из заокеанских денежных фондов, хватило духу только на несколько часов. Трудящиеся Познани дали отпор вражеским вылазкам и провокациям. Провалились планы темных рыцарей «плаща и кинжала», провалилась их гнусная провокация против народной власти в Польше. Так будут проваливаться и впредь подрывные действия в странах народной демократии, хотя подобные действия и щедро оплачиваются из сумм, ассигнуемых американскими монополиями. Можно сказать, что это впустую затраченные деньги.

Все это свидетельствует о том, что нельзя допускать беспечность в отношении новых происков империалистической агентуры, стремящейся проникнуть в социалистические страны, чтобы вредить и подрывать достижения трудящихся.

Силы империалистической реакции стараются сбить трудящихся с правильного пути борьбы за свои интересы, отравить их душу ядом неверия в успех дела мира и социализма. Вопреки всем проискам идеологов капиталистических монополий рабочий класс во главе с испытанным коммунистическим авангардом пойдет своей дорогой, которая привела к историческим завоеваниям социализма и приведет к новым победам дела мира, демократии и социализма. Можно быть уверенным, что коммунистические и рабочие партии всех стран еще выше поднимут славное марксистское знамя пролетарского интернационализма.

Советские люди законно гордятся тем, что наша Родина первой проложила путь к социализму. Теперь, когда социализм стал мировой

системой, когда между социалистическими странами установлены братское сотрудничество и взаимная помощь, создались новые благоприятные условия для расцвета социалистической демократии, для дальнейшего упрочения материально-производственной базы коммунизма, неуклонного подъема жизненного уровня трудящихся, для всестороннего развития личности нового человека — строителя коммунистического общества. Пусть буржуазные идеологи сочиняют басни о «кризисе» коммунизма, о «замешательствах» в рядах коммунистических партий. Нам не привыкать слышать подобные заклинания врагов. Их предсказания всегда лопались, как мыльные пузыри. Эти незадачливые прорицатели появлялись и исчезали, а коммунистическое движение, бессмертные и животворные идеи марксизма-ленинизма побеждали и побеждают. Так будет и впредь. Никакие злобные, клеветнические выпады наших врагов не смогут остановить неодолимый ход исторического развития человечества к коммунизму.

*Центральный Комитет Коммунистической партии
Советского Союза*

30 июня 1956 года.